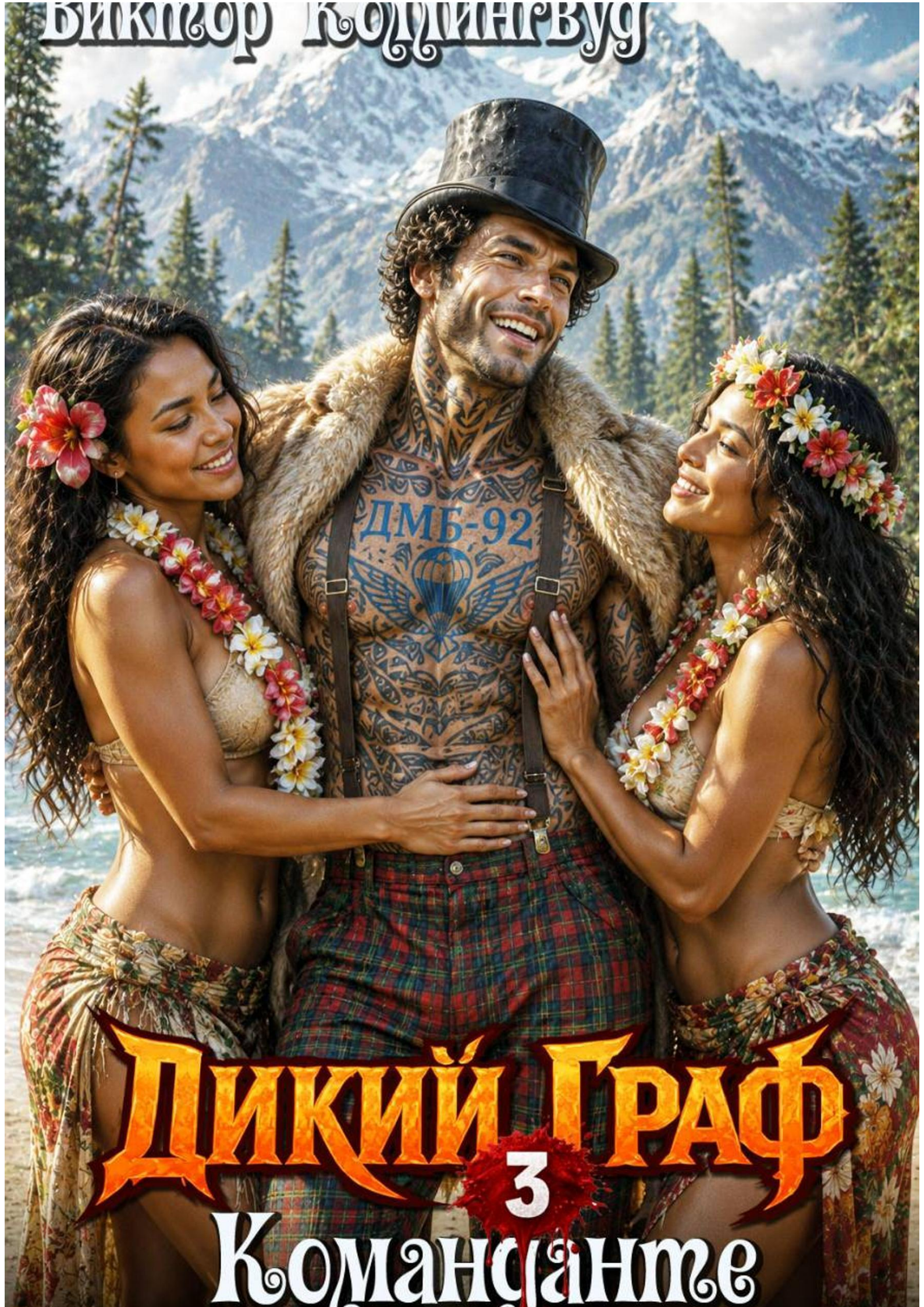

Биктор Кордингвуд

Дикый Граф

3

Команданте

Виктор Коллингвуд

Дикий Граф. Команданте

«Автор»

2026

Коллингвуд В.

Дикий Граф. Команданте / В. Коллингвуд — «Автор», 2026

Путь на Аляску не прост. Преодолевая тысячи препятствий, сквозь льды, туманы и мели наш граф героически плывет в Русскую Америку. А если дорогой ему доведется, к примеру, случайно жениться... Ну что тут такого? Дело-то житейское!

© Коллингвуд В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Коллингвуд

Дикий Граф. Команданте

Название: Дикий Граф. Команданте

Автор(-ы): Виктор Коллингвуд

Ссылка: <https://author.today/work/600394>

Глава 1

Ну, что сказать... Конечно, я немного так удивился. До чего своеобразные тут нравы: вчера она смеялась у меня в каюте, проделывая всякие интересные (и приятные, что скрывать) штуки, а сегодня чинно сидит при королеве. Обожаю такие сюрпризы: бац, и веселая подружка оказывается полинезийская великая княжна.

Рядом с ней я узнал Теа. Уже не просто смешливая девица с корабля, а спутница Моаны. Фрейлина, если переводить на наш придворный дурдом. Чуть дальше оказалась и Хина. Робертс шепнул, что она дочь короля соседнего острова. Важная гостья, связующая нить между королевскими родами!

Какое-то время я размышлял, как так получилось что в моем гамаке оказался весь цвет местной аристократии. Совпадение из серии «такого не бывает»!

И вскоре догадался, что случилось.

Дамочки из королевской семьи — самые красивые на острове. Ведь короли выбирают себе супругу из наиболее привлекательных островитянок. Ну а я, собственно, поступил, как король: выбрал на «Надежде» самых симпатичных девиц. К тому же они держались по-родственному, вместе.

Вот оно так и совпало!

Тем временем начали подавать угощение: свинину из земляной печи, рыбу на листьях, таро, бананы, кокосы и мягкие ломти плодов хлебного дерева.

Моана, улыбаясь, принесла мне всё это на широком банановом листе. Села рядом, как бы случайно коснулась моей руки. Хина издалека чуть ревниво поглядывала на нас. Но подойти не решалась: рядом сидел её муж, сын соседнего короля, татуированный здоровяк с плечами, как шлюпочный борт. А островитянки, как нам объяснил Робертс, должны были хранить верность мужьям хотя бы в их присутствии. Потом подали мутноватый напиток в деревянной чаше.

— Кава, — шепнул Робертс и тут же добавил: — Не пейте это, граф. Вы не представляете, как они её готовят.

— Архипыч, ром из корзины, — велел я.

Старик, ворча про погибель и басурманские попойки, достал бутылку. При виде рома Катенуа сразу оживился, Тамахай довольно хрюкнул, Резанов расправил плечи, а дело, как водится, пошло веселее.

Моана подала мне кусок свинины. Пальцы у неё были тёплые, в масле и жёлтой краске. Она смотрела с таким видом, будто я уже должен понимать местные правила, хотя я пока с трудом понимал даже, что именно ем.

И тут я вспомнил про свои подарки.

Достал из-за пазухи мелкий свёрток и развернул на ладони.

— Раз вы тут всё-таки одетые, — сказал я Моане, — вот тебе иголки. Пользуйся.

Она взяла одну иглу, повертела, прищурилась. Теа тут же сунулась смотреть. Моана что-то сказала ей и засмеялась. Кажется, они понятия не имели, зачем нужны эти маленькие железные щепки.

Но теперь случилось нечто совершенно неожиданное. Жрец по имени Доватиа до этого сидел почти неподвижно, а теперь его взгляд прилип к моей руке.

Быстро подойдя, он протянул ладонь. Моана и Теа сразу притихли.

Я положил одну иглу ему на пальцы. Жрец поднёс её к глазам, провёл кончиком по коже на запястье, потом подозвал худого старика с татуированными руками. Тот взял иглу, посмотрел, прищурился и что-то быстро залопотал.

Робертс рядом улыбнулся.

— Кажется, граф, вы сорвали банк! Жрец Доватиа хочет видеть остальные.

— Все не покажу, — сказал я Робертсу. — Передай: у меня таких мало.

— Это правда?

— Теперь уже да. А нафига жрецу эти иглы? Решил заняться вышивкой?

Робертс странно посмотрел на меня.

— Татуировки, граф. Татуировки!

Тут я чуть не хлопнул прилюдно себя по лбу. Точно!

Достал маленький свёрток, развернул, достал с пяток игл. Остальное оставил при себе.

У Доватиа разгорелись глаза. В руках старика, подошедшего по зову жреца, появилась тонкая бамбуковая палочка. На конце — маленькая костяная пластинка с зубцами.

Старик положил свой инструмент рядом с иглой, внимательно сравнил их.

Робертс улыбнулся.

— Они называют это «тэту». Вся знать просто помешана на них. Но инструмент очень грубый: кость с зубцами, осколки раковин, бамбук. Долго и больно. Зато красиво, если вы из тех, кому нравится всю жизнь носить на себе чужую работу.

Я посмотрел на татуированные руки старика, на почти сплошной узор на теле Катенуа, на мрачную разрисованную тушу королевского брата — Тамахая. Отлично. Вот он, рынок: премиальная тату-студия каменного века.

Вокруг нас тут же собралась небольшая толпа. Старик-татуировщик что-то попросил, и к нему подвели молодого парня. Тот без особого восторга, но и без страха вытянул руку. Старик макнул иглу в чёрную краску, прижал кожу пальцами и сделал короткую черту.

Парень мужественно терпел. Линия вышла тонкая, чистая — совсем не такая, как широкие насечки от костяной гребёнки. Старик щёлкнул языком.

— Красиво, но медленно — пояснил англичанин.

— А ты переведи, что надо несколько игл вставить рядом в дерево или кость. Как их гребёнка, только зубцы железные, а не костяные.

Робертс перевёл. Старик и Доватиа переглянулись, а окружающие тут же залопотали. Даже король Катенуа подошел к нам, оставив Резанова в недоумении.

Вот теперь крючок вошёл по самую бородку!

Дальше началась дикая фантасмагория.

Катенуа пил ром, становясь всё пьянее. Тамахай пил ещё бойчее, смешивая каву и ром, каждой чашки всё дружелюбнее смотрел на меня. Доватиа вертел иглу между пальцами, старый татуировщик что-то быстро объяснял ему, показывая то на свою костяную гребёнку, то на стальное жало. При этом мы всю торговались.

Мне, понятное дело, нужны были не свиньи и не кокосы. Робертс осторожно переводил, выторговывая для меня черепа. Моана сидела рядом и кормила меня с пальмового листа кусочками свинины, таро и мягкого плода хлебного дерева. Делала она это так деловито, будто имела полное право. Теа хихикала за её плечом. Хина смотрела издали с таким видом, будто ей и любопытно, и досадно, и очень нельзя подойти ближе.

Чем пьянее мы становились, тем яростнее шел торг. Когда жрец стал картинно сомневаться в полезности покупки, я не выдержал:

— Робертс, скажи им: новым железным зубом можно попробовать на мне. Небольшой знак. На руке. Для начала.

Робертс перевёл, и Доватиа довольно осклабился.

Старый мастер взялся за моё предплечье. Моана подалась ближе, Теа что-то радостно пискнула. Хина тоже вытянула шею, забыв на миг про своего татуированного мужа. Тот, кстати, заметил и недовольно хмыкнул. Хина тут же снова сделала лицо приличной дочери соседнего короля.

Первый прокол вышел терпимый. Второй — уже злее. Мастер попробовал и железные иглы, и свою костяную гребенку. И то и другое больно, хоть и по-разному. Костяная гребёнка была грубо и честно, а моя маленькая стальная игла работала жгуче и остро.

На предплечье появилась короткая чёрная черта, потом вторая. Мастер довольно щёлкнул языком.

Вот тут офицеры, конечно, не выдержали — ром и мой пример делали своё дело.

Головачёв первым заявил, что русский моряк не хуже графа, и ему набили тату на запястье. Он храбрился до третьего прокола, потом начал цветисто ругаться.

Затем мичман Беллинсгаузен решил, что маленькая тату на плече — прекрасная память о кругосветном плавании. Ратманов захотел орла, Ромберг — черепаху. Даже Крузенштерн не выдержал и заказал набить ему на ногу имя супруги, начертив на песке, как оно пишется.

Катенуа, налижавшийся кавы пополам с ромом, довольно хохотал. Дамы тоже быстро сбросили напускное приличие в своих шالях, помня про высокое происхождение. Но ром, смех и русские офицеры в радиусе доступа сделали своё дело. Через четверть часа эти же высокогородные островитянки вели себя почти как дикарки на корабле: переглядывались, смеялись, обсуждали наших мужчин и без малейшего стеснения выбирали себе добычу.

Одна показала на Головачёва, потом на пальмы, потом сложила ладони у щеки, изображая сон. Только дураку было непонятно, какой именно. Другая обошла Фаддея Беллинсгаузена, сидевшего с голым торсом (ему как раз били тату), пощупала плечо, заглянула в лицо, довольно кивнула, как покупательница на конском рынке, затем распахнула шаль и затрясла грудью. Старшая жена Катенуа, покосившись на пьяного супруга, потянула Резанова за ленту на мундире, рассматривая его орден, ленту, перстни и пуговицы. Николай Петрович объяснял жестами, что это знаки великой власти. Выглядело так, будто индюк читает лекцию павлинху о пользе государственного устройства.

Королева слушала с улыбкой.

В общем, весело гуляют на Нуку-Хива.

Тем временем мне закончили первый рисунок на предплечье — сложный тонкий полинезийский узор.

— Они предлагают сделать знак гостя под защитой Катенуа, — сказал Робертс, сам уж изрядно пьяный.

Мне в это время уже море было по колено.

— А давайте! И орла на спине! И... — я покосился на Крузенштерна — еще вот это: И по его примеру написал на песке «ДМБ — 92».

Моана придвинулась ближе, взяла у Теа кусок мягкой ткани, осторожно промокнула кровь у края рисунка. Потом макнула пальцы в кокосовое масло и провела рядом с воспалённой кожей. Стало чуть легче.

Моа улыбнулась, тронула моё плечо и сказала что-то короткое.

— Говорит, вы терпите лучше, чем некоторые мужчины её народа.

— Некоторые? Передай ей, что русский граф претендует на первое место!

Вдруг я почувствовал, как плывет голова. Сначала решил, что это просто догнал ром. Так бывает, особенно в молодости: вроде, сидишь героем, а пробуешь встать — и все, приехали, здравствуй, гравитация.

Но в этот раз ощущение было другое. Вместо весёлого пьяного бурьяна — мутная тяжесть под черепом, жар в крови и странная слабость в ногах. Не сразу я понял, что это сказала краска для тату. Всё-таки мне набили не пару точек на память, а несколько довольно крупных знаков. И вся эта чёрная дрянь вместе с болью, ромом и жарой полезла в тело, как налоговая проверка с маски-шоу.

Взгляд Моаны из ласкового стал тревожным. Положив ладонь мне на лоб, она что-то тихо сказала Теа. Я попытался встать, чтобы доказать всем, что русский граф ещё вполне себе ого-

го..., но земля качнулась, пальмы пошли кругом, лица Катенуа, Доватиа, офицеров и Робертса смешались, замелькали, и всё начало быстро меркнуть перед глазами.

Проснулся я от боли. Вчерашние тату горели, будто под кожу засунули маленькую кузницу и поставили туда очень работающего кузнеца. Грудь жгло, рука слушалась плохо, кожа распухла, чёрный узор, покрытый запекшейся кровью, блестел маслом.

И, что самое интересное, находился я совсем не на корабле. Меня окружали покрытые пальмовыми листьями стены хижины (ну, или дворца — тут уж как поглядеть) гостеприимного Катенуа.

Сел, поморщился и попытался вспомнить вечер. И на вопросе, что было после того, как я попытался встать, память неприятно споткнулась.

Зашуршали листья, и в хижину вошла Моана. Теа держалась чуть позади, с кокосовой чашей и видом фрейлины, которой доверили важного, но не очень умного иностранца.

Принцесса Нуку-Хивская наклонилась, осмотрела моё плечо, что-то сказала Теа. Та подала ей кокосовое масло. Моана осторожно провела пальцами возле узора.

— Доброе утро, — сказал я. — Или как у вас тут говорят после того, как человеку всю ночь дырявили кожу?

Она улыбнулась и постучала пальцем мне в грудь. Потом показала на себя.

Тут в хижину, кряхтя, пролез Архипыч. Сначала показалась его седая голова, потом плечо, потом всё остальное, включая выражение лица человека, который нашёл барина не просто в грехе, а уже в каких-то запредельных его последствиях.

— Батюшка Фёдор Иванович! — всплеснул он руками. — Да что ж это такое-то? Да кто ж вас так? Да вы весь расписанный, словно кабацкая вывеска! А эта-то чего тут сидит? Господи помилуй, опять погибель!

— Захар Архипыч, не вой. Голова и без тебя трещит.

— Да как же не выть, когда барина дикари изукрасили!

Моана смотрела на старика с интересом, Теа за её спиной давилась смехом.

— Я что, не попал на корабль?

Архипыч всплеснул руками.

— Да какой корабль-то? Как ваше сиятельство сомлеть изволили, так вас сюда, в царскую хижину, почивать и положили.

— Позови Робертса, — сказал я. — Быстро!

— Англичанина-то? Ох, не к добру это всё...

Архипыч ещё раз перекрестился, бросил на Моану подозрительный взгляд и, бормоча под нос молитву, полез обратно наружу - искать Робертса.

Пока Архипыч ходил за англичанином, в хижине установилась странная суета.

Моана и Теа быстро переговаривались между собой. Как я понимал, Моана, как принцесса, распоряжалась, Теа ехидничала и обе они время от времени поглядывали на меня, давась смехом. Потом Теа принесла деревянную чашу с прохладной водой и каким-то кислым соком; Моана приподняла мне голову, поднесла чашу к губам и смотрела строго, будто я не русский граф, а больной щенок, которого надо заставить пить.

— Не надо так заботливо, — пробормотал я. — Чувствую себя дедом, уже подписавшим завещание.

Улыбнувшись, Моана пальцами поправила повязку у татуировки и что-то тихо сказала Теа. Та хихикнула, показала на моё плечо, потом на Моану и ткнула пальцем мне в грудь.

Тут появился Робертс. Вид у него был настолько довольный, что захотелось сразу верить кошелёк.

— Поздравляю, граф, — окинув взглядом хижину, сказал он.

— С чем?

— С браком, разумеется. Как чувствуете себя в роли свойственника короля?

Глава 2

Слова англичанина, понятное дело, кого угодно привели бы в состояние легкого недомогания. Конкретно говоря, я просто охренел.

— Робертс, если это и есть английский юмор, то ясно, почему вас не любят французы.

— Ну что вы, граф. Разве можно шутить с такими вещами?

Тут меня как свинчаткой по башке ударило. Твою мать!

Ладно бы меня просто угораздило переспать с дочерью короля. Ну, с кем не бывает. Так нет же, надо было вляпаться по самые помидоры! Приехали, блин.

Без меня меня женили.

Для человека, привыкшего держать судьбу в своих руках, это было, прямо скажем, позорно.

— Эдвард, как это могло произойти? — жалобно спросил я.

Робертс присел у моего ложа.

— Здесь, граф, всё проще, чем в Европе. У вас церковь, венчание, запреты, да и развод почти невозможен. Здесь мужчина и женщина сходятся, род принимает, дают выкуп или дар — и брак считается заключённым.

— Выкуп?

— Да. За женщину высокого рода — обязательно. Отец, жрец, свидетели, подарки. Вчера вы дали задаток.

— Задаток?

— Ткань. Иглы. Подарки. Тэту. Одобрение Катенуа.

— Одобрение? Да он был пьян в стельку!

— Как и все мы, граф.

— Прекрасно. Я не торговался?

— Торговались. Просто не совсем за то, о чем думали.

Моана смотрела на нас очень внимательно. Слов она, конечно, не понимала, тема была ей явно очень интересна.

— И что теперь?

— Не беспокойтесь, ваше сиятельство. На тихоокеанских островах отношение к браку совсем не такое, как у вас. Если не хотите мириться со своим положением, всё просто. Скажите жене: «Оставляю тебя», — и можете считать себя свободным. На их языке это будет так: «Ха-ару-э ау иа оэ».

Произнеся это, Робертс сделал ладонью жест, будто отсекает лиану.

Теа сразу перестала улыбаться. Моана напряглась. Они переглянулись, понимая, что мы говорим о нашем скороспелом браке.

Стараясь ее успокоить, я улыбнулся и кивнул. Нет, конечно, я был зол. В основном — на себя. Обычно я стараюсь жениться по здравому размышлению и на свежую голову, а не вот это вот все. Но лишний раз нервировать девушку тоже не хотелось.

Тем более, она такая милая.

Так или иначе, первым делом надо был явиться на корабль. Крузенштерн не любил, когда мы ночевали на берегу без разрешения.

— Архипыч! Ты где?

Старик явился мгновенно, как будто стоял под стеной и подслушивал. Конечно, в благих целях.

— Собираемся, — сказал я. — На корабль. И не причитай мне опять!

— Как же не причитать, батюшка, когда вас женили басурманы, выкуп платить надо, а вы ещё и вон весь чёрный, словно клеймёный!

— Захар Архипыч, я ещё сам не понял, женат я, куплен или чего. Поэтому молчи и помогай.

Повернувшись к Моане, через Робертса объяснил: иду на корабль. Вернусь. Поговорю с капитаном. Все хорошо. Люблю, целую.

Робертс перевёл. Моана кивнула. Теа всё ещё смотрела с недоверием, но уже без прежнего испуга.

Идя к лодке, я предавался самобичеваниям вперемишку с раздумьями, что вообще теперь делать. Пожалуй, надо было обо всем доложить Крузенштерну. Всё-таки он капитан, и должен знать все, что происходит на судне и вокруг него. На его корабле могла появиться дочь Катенуа, да ещё в статусе моей жены. Это могло повлиять... да черт его знает на что это могло повлиять. Но если не доложу — Иван Фёдорович может крепко рассердиться. А мне, вообще-то, стоило некоторого труда наладить с ним отношения.

И только у самого борта «Надежды» я понял, что так и не спросил у Робертса, где брать проклятую голову.

Прекрасно! Отправился на берег за мертвой головой, а получил живую.

Правда, укомплектованную отменным телом.

На борту шлюпа меня встретил фруктовый апокалипсис. Кокосы лежали у бортов, у люков, возле пушек, перекатывались под ногами у матросов. Бананы свисали связками, как жёлтые артиллерийские заряды. Где-то в стороне грустно кудахтали куры. Местных свиней было мало — всего две клетки. Печально.

Офицеры приняли меня, как родного.

— Доброго дня, граф! — окликнул Головачёв. — Наконец-то вы вернулись. Живы?

— Частично.

— А мы уж хотели отбивать вас у дикарей!.

Офицеры заржали. Про мою женитьбу никто не спросил. Видно не знают. Ну и слава богу!

Зашел к Крузенштерну. Иван Фёдорович стоял у стола. Лицо у капитана было такое, каким обычно на флоте встречают известие о пожаре в крьюйт-камере.

— А, граф, — сказал он. — Наконец-то.

— Иван Фёдорович, отчего грустим?

— У меня тоже. Свиней и кур туземцы дали совсем мало. Зато завалили весь корабль кокосами и бананами. Куда их девать, совершенно непонятно. Матросы уже на них смотреть не могут!

Он резко отодвинул бумагу.

— Резанов с меня требует бухту и место под факторию. А сам устраивает черти чего! Вы знаете, что нынче ночью он согрешил с королевой?

Вот это поворот!

— С королевой?

— Да.

— С той самой?

— С той самой.

Новость и ошарашила, и обрадовала одновременно. Похоже, я еще не так мощно накосячил, как... некоторые.

— И как? — не удержался я.

— Граф!

— Простите, Иван Фёдорович. Научный интерес.

Капитан побагровел.

— А всё потому что кто-то притащил королю ром! Туземцы нализались и начались непо-
требства!

Ну конечно, конечно. Опять Федя виноват.

— Иван Фёдорович, ну что вы такой скучный. Ну переспал Резанов с королевой. С кем
не бывает! Робертс, вон, тоже похвалялся...

— Вообще-то, граф, делать это прямо в королевском дворце, в присутствии короля, хотя
и пьяного, — это по туземным понятиям страшный моветон. И даже хамство. О какой дипло-
матии теперь можно говорить?

Пришлось признать: звучало убедительно.

По нашим понятиям тоже не лучший ход. Даже для Резанова, человека с врождённым
талантом превращать любой успех в какую-то пакость.

— Может, король ничего не понял?

— А если ему уже донесли? Вы представляете какой может выйти скандал?

Крузенштерн отошёл к наклонному окну каюты. За стеклом качались волны, солнце и
весь Тихий океан.

— Самое печальное, что Лисянский по моему приказу нашёл отличную бухту: отдалён-
ную, с узким входом, укрытую от всех нескромных взглядов. Там можно было бы устроить
отличный складочный пункт для наших товаров и торговать ими по всему Тихому океану. Вы
представляете, как здесь расходилось бы уральское железо? А наш дипломат всё испортил. Я
боюсь даже являться перед глаза короля!

Как не сочувствовал я капитану, а надо было вываливать своё ведро змей.

— Иван Фёдорович, — осторожно начал я, — у меня тоже есть новость.

Капитан медленно повернулся.

— Что ещё?

— Кажется, меня вчера женили на Моане.

— На ком?

— На Моане. Дочери Катенуа.

Крузенштерн закрыл глаза. В этот миг немецкая душа капитана очень хотела уйти в мона-
стырь. Желательно, где-нибудь в Монтевидео, подальше от русских графов.

— Граф, вы решили добить меня окончательно?

— Помилуйте! Ведь я же без злого умысла!

— Это утешает меньше, чем вы думаете.

Пришлось коротко всё рассказать: татуировка, ткань, чаша, рука, тату, временное затме-
ние. На него я, собственно, все и списал.

Крузенштерн слушал молча. Но я по глазам видел: расстроен. Крепко расстроен капитан.

— Давайте, я схожу к Катенуа, — под конец предложил я. — Прощупаю почву. Если
король не в ярости, попробую говорить о бухте.

Крузенштерн устало кивнул.

— Идите, голубчик, идите. Надежды мало, но, даст Бог, всё наладится! Возьмите в
помощь Левенштерна.

— Иван Фёдорович, я иду не деревню брать.

— Вот именно поэтому я даю Левенштерна, а не Ратманова.

Через полчаса Архипыч, привычно причитая, вновь собирал подарки. Теперь они были
особенно нужны, так что я не скупился. Взяли ром, лимоны, иголки и ножницы, ножи, гвозди,
несколько кусков материи.

— Жену басурманскую завели, выкуп платить собрались, теперь ещё лимоны последние
дикарю тащим. А нам, значит, в море от скорбута погибель!

— Захар Архипыч, помолчи. Тебе не понять. У тебя не было тестя с людоедским войском.

— И слава Господу.

У берега нас встретили лениво. Традиционно покричали «токи», но как-то дежурно, без огонька. Никто не хватался за копыя. Никто не тыкал в меня пальцем с воплем «убить русского зятя». Дикари смотрели на мои тату, кивали, улыбались, одобрительно цокали.

Хороший знак.

Во «дворце» Катенуа все еще напоминало о вчерашнем пире. Битые горшки, бутылки, раскиданные кости. Хорошо посидели, душевно.

Левенштерн огляделся.

— Весело тут было!

— Да. Переговоры начались ударно. Главное, не кончить заупокой, лейтенант!

На звук моего голоса появилась Моана. По лицу было видно: ждала.

Увидела меня, просияла, бросилась вперёд, потом вдруг остановилась. Смотрела внимательно, будто проверяла, зачем вернулся русский.

Моана, поняв, кого я ищу глазами, что-то быстро сказала. Я разобрал только интонацию: королю плохо, короля лучше сейчас не трогать, король страдает, как всякий великий человек после встречи с русским ромом.

— Робертс нужен, — сказал я. — Робертс. Понимаешь? Сюда. Срочно.

Моана кивнула и отправила Теа. Та сорвалась с места, мелькнула жёлтой шалью и исчезла между хижинами. Вскоре появился Робертс, живший в селении неподалёку. Вид у него был такой, будто он уже заранее не одобряет всё, что я собираюсь сказать.

— Эдвард, — сказал я, — насколько понимаю, мой тесть нездоров.

Робертс выслушал Моану, потом кивнул:

— Очень нездоров. Голова болит. Свет мешает. Люди раздражают. Особенно русские.

— Значит, живой. Сделаем лекарство. Лимонный сок, вода, немного рома — и будет как огурчик.

— Как кто?

— Как человек, которому стало лучше. Не придирайтесь к агрономии.

Архипыч, ворча, достал лимоны и бутылку. Я выжал сок в чашу, плеснул воды и добавил рома — немного, по русским меркам почти гомеопатия. Робертс объяснил Моане, Моана передала чашу кому-то из своих, и пойло унесли за перегородку, где страдал владыка Нуку-Хивы.

Оттуда сперва донеслось недоверчивое ворчание. Потом пауза. Потом ещё один глоток — это было слышно по выразительному молчанию. Наконец за перегородкой оживились голоса.

— Пошло, — сказал Робертс.

Поразительная живучесть на восьмом десятке. Не старик — кремь.

Пока короля приводили в чувство, я внимательно огляделся.

Вроде всё тихо-мирно. Никто не хватался за копыя, не показывал на меня с диким воплем. Значит, либо королю ещё не донесли, либо донесли, но не так, как боялся Крузенштерн, либо местная мораль много либеральнее нашей.

И тут во дворце появилась королева. Старшая жена Катенуа выглядела куда бодрее мужа. То ли потому, что пила меньше, то ли потому что Резанов, при всех его недостатках, оставил хорошее впечатление.

Завидев меня, она тут же подошла, посмотрела на Левенштерна, на Робертса, потом на меня. Пальцем показала на грудь, провела воображаемую ленту через плечо и сделала лицо столь выразительное, что переводчик особо и не потребовался.

— Человек с орденом, — сказал Робертс.

— Скучает?

Королева приложила руку к груди, потом указала в сторону моря. Потом снова изобразила ленту.

Левенштерн кашлянул в кулак.

— Кажется, да, — сухо сказал Робертс.

Вот ведь Николай Петрович. Хоть и ипохондрик, а вишь ты. Орел!

И тут в голове всплыло воспоминание.

Череп. Горнеров проклятый череп!

Мне до сих пор не удалось его добыть. Удивительное дело: на всём острове ни одного черепа на продажу! Для людоедов это какой-то странный дефицит. Повезло же приехать в тот момент, когда у них мир со всеми соседями...

В другой ситуации можно было бы рискнуть: залезть на местное кладбище, снять череп с какого-нибудь истукана, потом сделать вид, что так и лежало. Но теперь это было нельзя. Совсем нельзя. Нельзя строить отношения с королём, одновременно воруя у его духов имущество с витрины.

И вот, когда я уже не знал, что и предпринять, судьба посылает мне влюблённую королеву, желавшую сделать приятное русскому человеку с красной лентой.

Любовь, как известно, творит чудеса. А на ловца и зверь бежит!

— Эдвард, — сказал я тихо. — Переведите королеве: лорд Резанов тоже помнит её и желает получить от неё залог любви.

— Что именно вы хотите попросить?

— Нужен череп. Хорошо сохранившийся. Украшенный. Знатного человека. Такой, чтобы человек с красной лентой понял силу её чувства.

Робертс посмотрел на меня с неподдельным уважением.

— Граф, вы хотите превратить человеческий череп в любовное письмо? Знаете, даже для Нуку-Хивы это чересчур!

— В залог любви. Что может быть романтичнее черепа, посланного любимому человеку? Не опешьте этот высокий момент, сэр!

— Сударь, это может быть опасно!

— Эдвард, я утром узнал, что женат. Чего мне ещё бояться? Переводите.

Он вздохнул, и долго, осторожно что-то втирал королеве. Та слушала. Сначала удивилась, потом глаза у неё загорелись. Переспросила что-то — Робертс ответил. Королева приложила руку к груди, потом показала на внутреннюю часть дома, потом на голову. Потом улыбнулась так победно, что даже Левенштерн перестал делать вид, будто ничего не понимает.

— Она говорит, что найдёт дар, достойный человека с красной лентой, — перевёл Робертс.

Очень хорошо. Просто отлично. Похоже, скоро я могу получить прадедушку королевы в подарочной упаковке.

Катенуа, получив лимонно-ромовое лекарство, ожил настолько, что вышел к нам.

Пора было послужить отечеству и Русско-Американской компании, акционером которой я имел честь состоять.

— Эдвард, — сказал я Робертсу, — первым делом сообщите королю, что я притаранил подарки и выкуп за дочку. Вот, все — его!

И выложил подарки — топоры, ножи, ножницы, иглы и материю. В чашу короля плеснули ещё немного рома — совсем чуть-чуть. Королю нам надо было задобрить, а не отправить снова в нирвану.

Его Величество сразу уставился на топоры. Провёл пальцем по лезвию и довольно оскалится. Посмотрел иглы, ножницы и ром.

— За такую женитьбу, — заметил я Левенштерну по-русски, пока король пускал слюни на подарки — в Петербурге с меня бы потребовали состояние, родословную и справку из полка о согласии господ офицеров на мою женитьбу. Здесь берут топорами. Есть в этой первобытной наивности свои преимущества.

Когда подарки были приняты, пришло время поговорить о главном.

— Эдвард, теперь очень осторожно переведите, что нас интересует бухта... — как ее, Ермолай Ермолаич?

— Тайя-гоа — подсказал Левенштерн.

— Да, Тайя-гоа. Но, умоляю, будьте дипломатичны. Не «отдай бухту русским, голожопый придурок», как вы, англичане, любите, а со всем уважением к местным традициям. Не «земля». Не «владение». Скажи: русский хочет говорить о дарах за Моану и о месте, где русские корабли будут помнить дом Катенуа.

Робертс посмотрел на меня почти с уважением.

— Тонко, граф.

— Жизнь заставит — и не такому научишься. Особенно когда вокруг людоеды.

Катенуа выслушал благодушно. Лимон, ром и слово «дары» вообще творят чудеса с монархами. Я объяснял: русские уйдут, но вернуться с богатыми дарами. Будет много рома, много «токи», топоров, ножей и иголок. Но для возвращения нужно спокойное место. Мы нашли пустую бухту Тайо-Гоа. Русские хотят приходить туда как друзья дома Катенуа. Стоять, чиниться, брать воду, дружить с женщинами. Держать дом для товаров. И конечно, приносить нашему доброму королю Катенуа железо, иглы, ножи, ткань!

Робертс переводил долго и аккуратно. Дом Катенуа, мол, даёт русскому зятю и его людям место, где они могут стоять с миром.

Моана вдруг заговорила с отцом. Я понял только отдельные жесты: на меня, на себя, на море, на сторону бухты. Потом она коснулась моей перевязанной руки и показала на подарки.

Робертс слушал и тихо перевёл:

— Она говорит, что русский вернулся. Не сказал слов разрыва. Дал дары. Если русские будут приходить в Тайо-Гоа, это будет связь с её домом. Если русский нарушит слово, она сама скажет отцу.

— Хорошая жена, — шепнул Левенштерн.

— А вы женаты, Ермолай Ермолаич?

— Нет. Не успел.

— Ну вот и не судите опрометчиво.

Но Моана сыграла лучше любого посла. Катенуа еще поломался, но после следующей чаши с ромом кивнул.

Через час верховный жрец Доватиа (хорошо мотивированный иглками и ромом) произнес формулу наложения табу. Выйдя на небольшую площадь перед дворцом, он взял ветвь с широкими листьями. Потом одну из моих игл. Провёл ветвью над иглой, над моим свежим тэту, над подарками. Указал в сторону берега, туда, где лежала невидимая отсюда Тайо-Гоа, и, обращаясь к сбежавшемуся народу, сказал несколько слов.

Катенуа повторил их громче, а Тамахай ударил древком копья о землю. Толпа вокруг глухо загудела.

— Что? — спросил я.

Робертс слушал до конца. Потом повернулся ко мне:

— Тайо-Гоа объявлена для всех «табу». Только русские могут туда приходить. Вы получили своё граф

Вот и всё.

Никаких печатей, гербовых бумаг, никакого сената, канцелярии, нотариуса и семи витиеватых подписей внизу. Ветвь, игла, слово жреца, кивок короля и удар копья. Красота! Сказали «табу» — и все встали по стойке смирно.

Дальше всё пошло быстро.

Послали к берегу людей. Местные принесли жерди, листья, верёвки из волокон. Наши матросы, ворча, потащили ящики и пару связок железа. У бухты поставили лёгкую хижину — скорее навес с амбициями склада, но для начала годилось.

Коробицын, человек цепкий, при слове «склад» оживился почти так же, как Катенуа воспринял при слове «ром». Резанов, узнав, что вожаденное место получено, немедленно распорядился оставить его при хижине.

— Для наблюдения, торговли и утверждения российского присутствия, — сказал Николай Петрович.

А Крузенштерн нарек бухту «Порт Чичагов».

Через день мы уже были готовы отплывать. Моана прибыла на берег, для погрузки ее высочества на шлюп. В этот раз уже не голая, а разодетая, по местным меркам, торжественно: ткань через плечо, волосы убраны, кожа блестит маслом, на шее украшения из редких раковин каори. Рядом Теа держала узелок с её вещами и делала вид, что нисколько не волнуется. Получалось у нее не очень.

Вокруг них собрались девушки. Обнимали Моану, трогали шаль, смеялись, что-то советовали. Одна показала на «Надежду», потом изобразила бородатого матроса и так заржала, что лейтенант Левенштерн покраснел, хотя ничего не понял. Другая обняла Теа и ткнула пальцем в мою сторону. Теа гордо вскинула подбородок: мол, не пропадем, у нас теперь свой расписанный русский.

Матросы готовили лодку. Левенштерн проверял, чтобы подарки и остатки обмена не перепутали с кокосами.

И тут ко мне подошла островитянка. Молодая, весёлая, с хитрыми глазами. Не из ближнего круга Моаны, но явно при дворе. Улыбнулась, поманила пальцем в сторону пальм и сделала такое лицо, что любой честный христианин сразу начал бы вспоминать заповеди.

А я теперь, между прочим, женатый человек. Новобрачный. Ну нельзя же так!

— Не-не, погоди, красавица, — произнес я, поднимая ладони. — Всё. Семейный режим. Вон жена стоит. Видишь? Жена. Теперь нельзя. Наверное.

Девушка засмеялась и снова поманила.

Я посмотрел на Моану. Она спокойно посмотрела на меня, потом на девушку и дружелюбно кивнула.

Иди, мол.

Теа при этом закрыла рот ладонью и начала давиться смехом.

Гм. Вот это я понимаю, высокие отношения! Да это же просто брак моей мечты: жена сама отправляет меня к другой женщине в кусты. Опыт, правда, подсказывал: если всё выглядит слишком удобно, где-то рядом лежит подвох. Но здесь, среди дикарей, всё наивно и прямо, не так ли?

— Видите, Левенштерн, — сказал я. — Местные брачные обычаи куда шире европейских.

— Я бы на вашем месте всё равно был осторожен.

— На моём месте все давно стали бы осторожными. А я так и не стал. Представляете, какая трагедия?

Короче, отошёл я с девушкой на несколько шагов, и она вдруг перестала играть глазами и сразу стала такой деловой - что твоя бизнес-леди из Москва-сити. Оглянулась и достала из-за кустов свёрток в пальмовых листьях. Потом провела рукой через плечо, изображая орденскую ленту Резанова. Прижала ладонь к сердцу и сунула свёрток мне.

Ну конечно! Любовная почта прибыла.

Взял свёрток, осторожно развернул край листьев. Так и есть: череп смотрел на меня пустыми глазницами.

Хороший череп. Даже отличный. Старый, жёлто-тёмный, крепкий, зубы почти все на месте. По темени шли следы краски. У висков были привязаны мелкие раковины и какие-то волокна. Вид у него был какой-то слишком уж торжественный.

А это опасно.

Терзаясь нехорошими предчувствиями, я подозвал англичанина, ошивавшегося неподалеку.

Тот подошел, заглянул и застыл.

— Граф...

— Не нравится мне ваше «граф».

— Боюсь, это не череп врага.

— Предок?

— Очень возможно.

— Назад отдавать?

— Нельзя, — сказал Робертс. — Оскорбите королеву.

Гм. Отдавать это Резанову я тоже не собирался. Во-первых, не оценит. Во-вторых, не заслужил.

— Архипыч! Захар Архипыч! Живо сюда!

Старик, увязая в песке, побрел ко мне.

— Завернуть и в корзину. Аккуратно! Это тебе не кокос.

— Господи помилуй! Батюшка Фёдор Иваныч, это ж голова!

— Давай, не сердь меня. И Моане помоги погрузиться в лодку!

Баркас уже готов был отвалить, когда я заметил у деревьев странную фигуру.

Человек в лохмотьях, частично в местной одежде, частично в остатках европейской. Заросший до самых глаз неопрятной бородой, смуглый, татуированный. Он стоял чуть в стороне, покачивался и напевал что-то по-французски.

Песенка была весёлая. Физиономия — нет.

Тут я вспомнил обещание Робертсу. Конечно, череп я скорее добыл сам, чем через англичанина, и совершенно спокойно мог обещание не выполнять. Но все же решил помочь хорошему человеку.

А то хрен его, этого лягушатника, знает. Подобьет народ на смуту, и сожгут они наш склад вместе с Коробицыным.

— Задержите лодку, — сказал я Левенштерну.

— Вы куда?

— Выполню одно старое обещание. Без стрельбы, если повезёт.

Подошёл к этому чучелу и заговорил на языке Дюма, в его камбоджийском варианте:

— Месье! Вы француз?

Он прищурился. Потом лицо его ожило.

— Французский? Здесь? От русского?

— Мир полон чудес, иногда — приятных. Как поживаете, месье?

Кабри поморщился.

— Скверно. Представьте, что мне, человеку тонкой душевной натуры, уже два года приходится пить каву. Два года! Два года я пью эту грязь. Мутная вода, горький корень, дикари плюют, жуют, толкут... А потом улыбаются, будто подали бургундское.

— Понимаю. Трагедия для цивилизованного человека!

— Вы не понимаете. Никто не понимает. Робертс пьёт свой поганый джин, которым его снабжают соотечественники, и в ус не дуёт. А я француз! Мне нужно вино.

— Тогда вам повезло.

Кабри замер, как пойнтер над рябчиком.

— На «Надежде» есть всё! Портвейн. Испанское вино с Тенерифе. Немного коньяку. Ром, конечно. Табак. Карты. И люди, которые умеют говорить на европейских языках.

Этот тип теперь смотрел на меня так, будто я только что обещал ему не напитки, а возвращение молодости, Парижа и чистой рубашки.

— Да ладно! Вы лжёте.

— Иногда — да. Но не о выпивке. Это святое, месье. И я имею честь пригласить вас проверить мою честность!

Вскоре мы были на шлюпе. Я посадил Кабри в кают-компанию (хоть он в прошлой жизни явно не был офицером) и для затравки дал портвейн.

Француз взял стакан двумя руками. Понюхал. Закрыв глаза.

— О, святая Дева...

— Я вижу, месье, вы попали на острова еще при старом режиме. Теперь ваши соотечественники молятся на Дерево Свободы.

Кабри сделал глоток и прослезился. Вот что значит человек годами жил среди пальм!

— Ещё? — спросил я.

— Вы издеваетесь?

— Нет. Угошаю.

Он уговорил бутылку. Потом пошло испанское с Тенерифе, потом коньяк. Потом мы сели играть, и я ему все подливал и подливал...

Кабри сперва держался бодро. Потом начал путать масти. Затем стал звать меня то графом, то маркизом, то «мой русский разбойник». Потом начал горланить песни и, наконец, уронил голову на стол.

Теперь оставался финальный штрих. Снова надо было идти к Крузенштерну.

— Иван Фёдорович, надо сниматься с якоря. Сейчас.

— Вы отдаёте себе отчёт, что предлагаете?

— Да.

— Вы притащили сюда трех пассажиров. Я готов мириться с присутствием дикарок — узы брака, это святое. Но тот человек пришёл на корабль как гость. Вы хотите похитить европейца?

— Я хочу вывезти с острова человека, который завтра подожжёт всё, что мы сегодня сделали. Вы же помните, как он поднял смуту из-за якобы похищения короля? А что он устроит завтра? Достаточно пустить слух, что русские украли дочь короля, забрали бухту и строят там крепость — и всё! Приказчик Коробицын в своей хижине станет первым мучеником русской тропической торговли!

Крузенштерн отвернулся к окну. Долго смотрел на бухту.

Потом сказал:

— Когда-нибудь ваши методы доведут меня до военного суда.

— Зато сейчас доведут до Сандвичевых островов.

Он резко повернулся.

— Передать на «Неву» готовиться к отходу. Якорь выбирать.

Вот и всё. На корабле сразу пошло движение. Матросы побежали к снастям, ругаясь из-за кокосов, мешавших пройти. На «Неву» дали сигнал к отправлению.

Вскоре мы вышли в море, уходя к Сандвичевым островам. А бедняга Левенштерн теперь ночевал в каюте Ратманова. Его гамак над пушкой отныне занимали сразу две прекрасные островитянки.

Глава 3

Третью неделю «Надежда» и «Нева» пилили к Сандвичевым островам. Все было прекрасно: море синее, океан спокойный, ветер ровный. Красота, если не смотреть на палубу.

А на палубе лежали кокосы. Горы кокосов!

Они были всюду: громоздились в бортов, у люков, навалом и в корзинах, катались по палубе при качке. Один кокос ночью сорвался, покатился по палубе, каким-то непостижимым образом залетел в форлюк и едва не убил нашего доктора, кутившего под люком. Я предложил Крузенштерну занести это в журнал как первое нападение тропического провианта на русский флот. Увы, капитан был, как всегда, на серьезных щах и предложение с негодованием отклонил. А какой был бы подарок для будущих историков!

Уже через несколько дней кокосы и бананы смертельно всем надоели. Сначала матросы радовались: все-таки сладкие тропические фрукты. Потом бананы начали темнеть, а кокосы просто приелись. Люди мечтали о нормальной пище: щи, каша, чёрный хлеб, и все остальное, что так дорого русскому желудку. Но увы, на их долю выпала солонина и бананы. Офицеры тоже страдали — маркизские свиньи кончились уже на первой неделе, куры — на второй.

Тут мне довелось блеснуть умом и сообразительностью. Смотрел я, смотрел на гору кокосов у юта и вдруг вспомнил про гречу.

— Архипыч, сгоняй в камбуз. Узнай у кока, гречневая крупа есть?

Старик насторожился:

— А пошто тебе она, батюшка-граф?

— Ты узнай, там поймешь.

Старик сходил и вскоре доложил, что гречка еще имеется.

— Отлично. Скажи ему, делаем гречку на кокосовом молоке.

Архипыч уставился на меня так, будто я предложил варить кашу на чернилах.

— На ореховом молоке? Да кто ж так ест?

— С сегодняшнего дня — русский флот.

Моя идея пришлась команде по вкусу. Кокосы раскололи, мякоть наскребли, как сумели, отжали с водой. Получилась белёсая жирная жидкость с тёплым сладким запахом. В неё пошла вареная греча и немного соли.

Матросы сначала крутились у котла с подозрением. Потом над палубой разнесся дивный аромат, и подозрения сменились надеждой.

— Граф Федор Иванович промашку не даст, — толковали матросы. — Уж если что придумает, так все в масть!

Ефимка получил первую ложку, пожевал, нахмурился, потом просветлел:

— Чудно, барин. Сладковато. Но каша мировецкая!

— Вот именно, Ефимка. А как мы будем утверждать могущество Русского флота на Тихом океане, да без гречки? Это прям непорядок.

Архипыч ворчал, что пища это сомнительная и неправославная. Потом съел и попоросил вторую миску. Мои дикарки, Моана и Теа, тоже не отказались испробовать эту смесь маркизского с нижегородским.

Супруга и ее фрейлина быстро осваивались на корабле. Моана уже поняла, что Крузенштерна лучше не трогать, Резанов больше важничает, чем командует, а Архипыч ворчит, но всё равно делает все, что ему приказываешь, если достаточно уверенно показать пальцем.

Обе дикарки коротали время, учась русскому языку. Старательно учились, с душой.

— Не «дай токи», — говорил я, — а «дай, пожалуйста».

— Дай пажалста токи, — старательно повторяла Теа и заливалась смехом.

— Уже лучше. Наглость осталась, но появилась культура.

Моана сидела рядом, повторяла медленнее:

— Па-жал-ста.

— Отлично.

— Федя мой, дай пажалста ром.

— Нет. Это будешь проходить в следующем классе.

Тут, на свою беду, на глаза нам попался Архипыч.

— А ну, скажите: добрый старик, — велел я.

Блеснув белозубой улыбкой, Теа уверенно произнесла:

— Злой старый кокос.

— Батюшка Федор Иванович! — возмутился Архипыч. — Они меня ругают!

— Терпи, Архипыч. Господь терпел и нам велел!

Моана серьезно кивнула:

— Аркипич — хороший старый кокос.

— Вот видишь. Уже прогресс.

Куда сложнее дело оказалось с Кабри.

Очнувшись после коварно устроенной мною пьянки, француз сначала целых полчаса тосковал по Нуку-Хиве. Потом опохмелился и вскоре уже напевал парижские песенки, совершенно забыв про оставленный рай на островах. Впрочем, кое-в чем он оказался последователь: это был не человек, а ходячая жажда.

Просыпался он с клятвой больше не пить. Через четверть часа искал «один маленький стакан для возвращения души». Через час пел, через два — ругал Робертса, англичан, дикарей, каву, судьбу, Бонапарта, снова Робертса и немного меня — за то, что я «варвар, но с приличным погребом».

Однажды он исчез. Не явился ни к завтраку, ни к обеду.

Нашли его у бочки с французской водкой. Жан-Жак где-то добыл коловорот, продырявил бочку и успел вылакать столько, что Эспенберг потом полчаса проверял, жив ли пациент или уже пора сдавать его в естественно-научную коллекцию.

Архипыч прибежал ко мне бледный.

— Батюшка, француз бочку прокусил! Винища выхлестал столько, что кажись, помрет.

— Не бойсь, Захар Архипыч. Когда француз пьет, это нормально. Это он по родине скаучает.

К всеобщему сожалению, Кабри выжил.

Но даже в пьяном виде он иногда говорил полезные вещи. Однажды сидели мы у борта: я, он, сигара и, понятное дело, пар стаканов. Как обычно, на втором стакане Жан-Жак ругал Робертса.

— Англичане, месье граф, — сказал Кабри, щурясь на море, — всегда проигрывают там, где забывают прятать презрение.

— Сильно сказано. Продолжайте, пока ворочается язык!

— Смотрите, месье: они улыбаются королю, кланяются, дарят железо, говорят мягко и уважительно. Но в душе у каждого англичанина сидит лавочник, который считает всех вокруг ворами, клошарами и плохими должниками.

— Робертс тоже?

Кабри расхохотался.

— Особенно! Он заискивал перед Катенуа, но всё равно смотрел на него как на дикаря, которому повезло сидеть на полезном острове. Я этим пользовался.

— Как?

— Очень просто. Дать англичанину говорить. Долго, не перебивая. А потом объяснял королю и жрецам, где он выказал презрение. Местные и сами это чувствуют. Они не глупые, месье, хоть и ходят без штанов.

Надо сказать, я это запомнил. И вообще. решил, что пьяный французский учебник по вредительству может ещё пригодиться.

Еще я потихоньку осваивал свой станок. Горнер, по уговору, получил череп, ну а я — его адскую машину. Череп ему, кстати, понравился — хороший, с зубами и резьбой. Его происхождение швейцарец благоразумно не спрашивал, ну а я не рассказывал. Наука любит тишину.

Сандвичевы острова (они же — Гавайи) показались утром.

Сначала облака у гор. Потом зелёные склоны. Потом берег, тёплый воздух, запах земли, дыма и растительности. После Нуку-Хивы земля казалась шире, выше и богаче. Здесь уже чувствовалось: это — центр Тихого океана

К кораблям почти сразу пошли пироги с туземными товарами и, конечно, женщины.

Команда сразу оживилась, предвкушая повторение маркизских страстей. Увы, доктор Эспенберг испортил им всю малину. Мы снова устроили экспресс-осмотр подплывающих дамочек, и увы: у многих оказались язвы, пятна, дурные признаки и прочие радости тропического рая. В итоге большую часть он развернул, а те, что прошли фейс-контроль, вместо железок захотели пиастры. Чертова цивилизация. Испортит решительно все, докуда дотянется!

Причина была проста: в бухте стояли чужие мачты.

Английские суда, американские, где-то виднелись голландские и датские флаги. Какие-то промысловики, торговцы, сандаловые корабли, морские бродяги всех пород. С одной стороны, хорошего мало, с другой, нас теплилась надежда на пополнение запасов. Не зря же они все тут стоят? И, не успели мы кинуть якорь, как капитан отправил на берег делегацию разведать, что тут и как. Понятное дело, с ними увязался и я.

Берег Сандвичевых островов встретил нас пышной зеленью и влажным жаром. Влажные участки у ручьев были заняты таро. Возле хижин росли бананы, хлебное дерево, кокосы. В зарослях попадался дикий сахарный тростник. Его стебли торчали толстыми зелёными копьями, и я сразу подумал не о красоте природы, а о патоке, роме, сахаре и рабочей силе, которую всё равно придётся где-то брать.

— Место доброе, — сказал Левенштерн, оглядываясь.

— Доброе место, голубчик, это где можно пополнить трюм, а не написать стихи.

Но место действительно было богатое.

Очень скоро мы поняли, ради чего тут стояли корабли со всего света. На невысоких холмах тут и там возвышались деревья с ароматной корой. Ромберг, принявшись, сразу определил:

— Сандал.

Вот это уже было серьёзно.

Сандал — это вам не какие-нибудь кокосы. Его можно с отменной прибылью продать в Гуаньчжоу.

Довольно скоро на берегу нас окружили туземцы, принялись предлагать товар. Свиньи? Есть. Куры? Есть. Рыба? В наличии. Таро, бананы, кокосы, плоды хлебного дерева? Сколько угодно! Единственное, чего тут не было — это говядина.

Это было особенно удивительно на фоне того, что коров тут было, судя по всему, полным-полно. То тут, то там из кустов на склоне появлялись коровы, причем не домашние, смиренные, с верёвкой на шее, а осторожные, лохматые, явно дикие.

— Господа, — тихо сказал я, — похоже, перед нами редкий случай: провиант сам гуляет по берегу и пока не требует за себя гвоздей. Может, устроим сафари?

Ратманов улыбнулся нехорошо.

— Ружья у нас есть!

— Вот и я о том же.

Дружно прикинули: надо примерно пятнадцать голов. Пять коров — свежина, десять — на солонину.

Увы, наша маленькая охота прервалась, едва начавшись.

— Пять-шесть живьём взять бы, — сказал я. — Не резать сразу. Посадим на судно, будем расходовать постепенно. Свежая корова в трюме лучше, чем солёная мечта в голове.

Ратманов посмотрел на склон, где коровы лениво жевали траву.

— Верёвки у гребцов есть.

— Вот и отлично. Эй, ребята! — крикнул я к баркасу. — Двое с верёвками сюда. Попробуйте обойти вон тех, да без стрельбы. Живьём нужны. Живьём, дурни, не в суп сразу!

Матросы оживились. После недель кокосовой тоски даже перспектива бегать за коровой по тропическому склону казалась праздником. Двое гребцов выскочили из баркаса с концами, ещё один прихватил багор, будто собирался брать корову на абордаж.

Но сразу чего-то не заладилось.

Местные, до того лениво наблюдавшие за нами, вдруг всполошились. Один закричал, другой замахал обеими руками, третий бросился наперерез нашим гребцам. С разных сторон посыпалось одно и то же слово:

— Табу! Табу! Табу!

Матросы остановились.

— Ваше сиятельство! — крикнул один. — Они чего?

— Пока с ножами не бросаются — уже хорошо. Стойте, сейчас все разъясним.

Гавайцы продолжали махать руками, да так отчаянно, будто мы не коров ловить собрались, а как минимум стащить с неба солнце.

Через несколько минут от соседних судов привели американского матроса: худой, рыжеватый, с лицом человека, которого оторвали от выпивки ради чужой глупости. Он говорил по-английски, но медленно, с такими жестами, что даже Ратманов понял смысл раньше моего перевода.

— No touch cattle, sir, — сказал он. — King's cattle. Kamehameha. Taboo. Big trouble.

— Что говорит? — спросил Ратманов.

— Говорит, коровы королевские, — перевёл я. — Король Камеамеа запретил трогать. Табу. Если полезем — будут большие неприятности.

Матросы с верёвками посмотрели на коров с обидой. Те, не понимая своего высокого политического статуса, продолжали жевать.

Я решил уточнить у нашего эрзац-переводчика:

— Разрешение кто даёт?

Бостонец показал вверх, куда-то в сторону королевского места.

— Камеамеа.

— Можно к нему?

Тот замялся.

— Король занят. Много людей. Много чужих судов. Надо говорить с Джоном Янгом.

— С кем?

— Джон Янг. Англичанин. Советник короля.

А вот теперь запахло настоящей политикой. На Нуку-Хиве надо было уговорить короля. Здесь сперва надо было уговорить англичанина, чтобы тот разрешил уговорить короля.

Цивилизация, чёрт бы её побрал.

— Значит так, — сказал я. — Давайте доложим обстановку Ивану Фёдоровичу. Пусть решит, как тут поступить. Коровы никуда не денутся. Они, к счастью, дипломатией не занимаются.

Одна из коров на склоне снова замычала. Нагло, почти издевательски.

Крузенштерн хмуро выслушал доклад о коровах. Иван Фёдорович вообще умел слушать так, что любая хорошая новость в его присутствии превращалась в тыкву.

— Коровы есть, — сказал я. — Дикие, наглые, мясистые. Ходят почти рядом. Но под запретом короля Камеамеа.

— Значит, не трогать.

— Я и сам не люблю начинать отношения с королём с кражи скота.

— Это радует, хоть по вам и не скажешь, граф.

— Но мясо-то нам нужно!

Капитан кивнул. Солонина уже всем надоела, да и заканчивалась она.

— Кто может дать разрешение?

— Король Камеамеа. А к нему можно подойти через англичанина Джона Янга.

При слове «англичанин» Крузенштерн помрачнел ещё сильнее.

— Разумеется. Куда без англичан! Хорошо, я нанесу ему визит. Пойдём официально, в мундирах. Без самодеятельности. Без рома. Без туземных браков и без похищений!

— Иван Фёдорович, у вас очень скучное представление о дипломатии.

— Граф!

— Молчу.

Да, спорить было трудно.

На встречу с Янгом Крузенштерн меня не взял. Сказал со своим мерзким военно-морским снобизмом:

— После того, что вы наворочали на Нуку-Хива, граф, ваше место в посольской свите навсегда вакантно.

— Вообще-то я целую бухту нам выбил! — обидчиво напомнил я.

— Лучше бы вы там и остались.

Капитан отправился на берег в сопровождении Ромберга и Левенштерна. К вечеру они вернулись несолоно хлебавши.

Как рассказал мне по секрету Левенштерн, наш капитан честь по чести рассказал, кто мы, откуда и что нам надо:

— Русские суда нуждаются в свежем мясе. Готовы платить железом, тканью, инструментом. Хотим купить несколько голов скота или получить разрешение на отстрел. Запрет Камеамеа нарушать не собираемся. Всё — только с согласием короля.

Этот сукин сын Янг выслушал его крайне внимательно. Кивал, сочувствовал, улыбался.

И вежливо послал на три буквы.

— Король сейчас весьма занят, — сказал он. — К нему прибывает много людей. Чужие суда, местные вожди, торговые дела. Вопрос скота непрост. Его величество наложил запрет не случайно: стадо должно расти.

— Мы просим немного, — сказал Крузенштерн.

— Понимаю. Но если позволить одним, придут другие. Англичане, американцы, голландцы. Все скажут: русским позволили, почему нам нельзя? Король должен думать обо всех последствиях.

— Мы готовы заплатить больше обычного, — сказал капитан.

Янг развёл руками.

— Дело не только в плате. Здесь многое держится на слове короля. Я, конечно, передам вашу просьбу при удобном случае, но....

Новость об отказе дошла и до Резанова. Он встретил ее так, как всегда встречал чужую неудачу: с тайным удовольствием и нарочитым самодовольством.

— Я полагаю, Иван Фёдорович, что вопрос требует не торгового подхода, а политического, — сказал он.

Крузенштерн устало посмотрел на него.

— Хотите переговорить с Янгом сами? Что ж, попробуйте.

— Непременно. С королями и их приближёнными надобно говорить языком достоинства. Англичанин должен понимать, что перед ним не проситель, а представитель Российской империи!

На следующее утро наш дипломат отправился к Янгу в полном блеске имперского величия. Мундир, лента с орденом, все дела. Вернулся он в гневе, и, никому ничего не сказав, заперся в каюте.

Но мне все рассказал майор Фредерици.

Янг принял Резанова так же вежливо. Резанов. По своему всегдашнему обыкновению, долго распинаясь р дружбе держав, славе русского государя, пользе торговли и прочих высоких материях. Янг в ответ сообщил, что король занят государственными делами «особой важности» и сегодня не принимает. И вообще. на этой неделе вряд ли удастся попасть на прием Его величества.

Резанов начал настаивать. Янг держался твердо:

— Его величество сам решит, кого и когда принять.

— Я представляю Российскую империю!

— Я это понимаю, господин посланник.

Сказал он «понимаю» так, что стало ясно: именно поэтому и не пускает.

В конце Янг предложил купить бананы, таро, свиней в обычном порядке и выразил надежду на будущие дружеские отношения. Резанов оскорбился. Вспылил, наговорил лишнего и ушел. Стало ясно, что коров нам не видать.

Следующее утро началось с министерского воровства.

Министр сидел на ящике у грот-мачты, держал в лапах мой цилиндр и смотрел на всех с тем выражением, с каким в России обычно смотрят люди, уже укравшие казённые деньги, но ещё не решившие, где их тратить — в Монако или на Сейшелах.

— Отдай, — сказал я. отставляя на планширь чашку утреннего кофе.

Обезьянка издевательски показала зубы.

— Отдай по-хорошему!

Вместо ответа он надел цилиндр себе набекрень. Моана, сидевшая рядом с Теей, строго погрозила пальцем.

— Министр! Низя!

Теа тут же добавила:

— Плохой министр! Старый кокос!

Архипыч, проходивший мимо с миской, остановился.

— Это она его ругает или меня?

— Пока министра, Захар Архипыч. Но не расслабляйся, тебе сейчас тоже достанется.

Министр тем временем попытался удрать с цилиндром на ванты. Моана вскочила, хлопнула в ладони, что-то крикнула по-своему. Обезьянка на мгновение застыла, подумала и бросила цилиндр прямо в руки Теа.

Взяв цилиндр, я отряхнул его и отдал Ефимке — приладить ремешок.

И тут, посмотрев за борт, увидел волны.

Вот это да! Длинные, ровные, чистые гребни шли к суше рядами, будто кто-то далеко в океане аккуратно толкал под водой широкие стеклянные стены. Мечта серфера! И, что самое интересное — у берега уже мелькали тёмные фигуры. Люди на досках!

Я чуть сигарой не подавился от изумления. Вот уж не думал, что серфинг известен в дремучем девятнадцатом веке! А вот: гавайцы всюю рассекали волны.

Схватив подозрную трубу, стал жадно вглядываться в полосу прибоя. Да, это были аборигены с досками. Серфы у них длинные, — в два человеческих роста — тёмные, и, видимо,

тяжёлые. Мужчины ложились на них, выгребали, ловили гребень и неслись к берегу, выпрямившись или почти выпрямившись. На берегу смотрели, кричали, смеялись. Лучших серферов встречали гулом.

Моана подошла к борту. Посмотрела на гавайцев, потом на меня.

Теа ткнула пальцем в море, потом в мою грудь.

— Федя так? — спросила она на своём новом страшном русском.

— Федя лучше, — сказал я. — Сейчас сама увидишь. Достать мою доску!

Матросы переглянулись.

— Графскую корытину? — уточнил кто-то.

— Её самую. И быстро.

Крузенштерн, услышав шум, вышел наверх.

— Что происходит?

— Иван Фёдорович, я иду налаживать отношения с местным обществом.

Он посмотрел на берег, потом на меня.

— Граф, если вы разобьётесь о риф, я запишу это как самовольное оставление судна.

— Прошу добавить: при самых драматических обстоятельствах!

Тем временем принесли доску.

— Ефимка, натри воском!

Матрос принялся обихаживать моюбразильскую красавицу. Я пока разделся до панталон с подтяжками. Цилиндр оставил. Прилаженный Ефимкой ремешок подтянул под подбородком, чтобы он держался, как каска. Архипыч истово перекрестился:

— Побереги себя, батюшка!

— Непременно. Видишь, и кофею покушал, и шапку одел.

Поздно.

Спустил доску на воду и сам следом. Теплая вода приняла меня, как родного. Погреб к берегу, стал ловить подходящую волну. Первая ушла от меня. Я поздно начал грести, доску чуть развернуло, пена ударила в бок. Цилиндр рвануло назад, ремешок душевно врезался в подбородок.

Вторая тоже вышла паршиво. Нос зарылся, меня окатило водой, доска дёрнулась. Один гаваец рядом что-то крикнул, явно совет. Или оскорбление. В спорте это часто одно и то же.

На третьей я поймал ритм.

Гребок. Ещё. Волна подхватила корму. Доска пошла. Лёгкая, быстрая, послушная. Я почувствовал, как хвост держит воду, как два плавника не дают сорваться боком.

Встал.

Панталоны хлопнули по ногам.

Цилиндр остался на голове.

Мир вдруг стал простым: под ногами доска, за спиной волна, впереди берег, а всё остальное — Крузенштерн, Янг, Резанов, коровы, Кабри, семейная жизнь — отвалилось к чёрту.

Я шёл не прямо к берегу, а в сторону, по «лицу» волны. Доска слушалась. Чуть нажал пяткой — повернула. Вернулся к гребню. Снова вниз. Пена шипела, брызги летели, ветер свистел в ушах.

И вот я уже парю над волнами. Молодость, солнце, тепло, адреналин бурлит, с корабля за мною наблюдают восхищенные мужчины и влюбленная женщина... Вот что я называю счастьем!

Местные на ближайших досках заметили меня почти сразу. Сначала засмеялся один. Потом второй. Затем смех пошёл по воде, добрался до берега и там разросся.

Ну еще бы: белый человек, в цилиндре, панталонах подтяжками, на странной куцей доске.

Я показал им пару поворотов, и смех сменился изумленными криками.

Один из местных серферов попытался пройти рядом. Доска у него была длинная, красивая, но тяжёлая. Она несла его величественно, но прямо. Моя же резала воду, как наглая рыба. Я ушёл перед самым пенным гребнем, повернул, выскочил обратно на чистую часть волны.

И вот тут гавайцы взорвались.

С корабля тоже орали. Матросы, кажется, забыли, что ещё час назад называли мою доску корытиной. Теа прыгала у борта и что-то вопила, Моана стояла рядом, улыбалась гордо и опасно — как женщина, которой повезло удачно выйти замуж.

А берег просто бесновался.

Дети бегали по берегу, поднимая брызги. Женщины заходили в океан, заслоняли глаза от солнца, стараясь лучше рассмотреть меня. Мужчины показывали на доску.

Я поймал ещё одну волну. Самую чистую.

Она подняла доску мягко, широко, как ладонь великана. Я встал ниже, согнул ноги, повёл её вдоль гребня. Цилиндр сидел на голове, душа пела, плечи горели, и всё это было прекрасно.

Наконец, доска вынесла меня почти на песок. Я спрыгнул, едва удержав равновесие, подхватил её за край и попытался выйти из воды с достоинством. Получилось... так себе. Цилиндр съехал набок, ремешок впился под подбородок, панталоны облепили ноги, подтяжки мокро хлопали по плечам.

Если бы меня сейчас увидели в Петербурге, точно вычеркнули из приличного общества.

Если бы увидел хороший антрепренёр — взял бы на афишу.

Зато берег ревел.

Гавайцы окружили меня сразу. Дети лезли первыми, женщины смеялись, мужчины показывали на волну и руками изображали мой поворот перед пеной. Несколько темнокожих татуированных гавайцев-серферов хлопали себя по бёдрам, кричали, снова показывали на воду, потом на меня.

Смысл был понятен без переводчика: белый идиот в цилиндре оказался не совсем идиотом.

Церемонно сняв цилиндр, я вылил из него воду и поклонился. Толпа одобрительно взвыла.

Потом заметили татуировки. Сначала один старик показал на моё плечо. Потом второй осторожно тронул кожу возле тэту. Я дёрнулся.

— Эй, без рук! Осторожнее, уважаемый.

Старик что-то спросил. Я показал рукой в море, потом на себя, потом изобразил Моану: ладонями изобразил груди, потом махнул в сторону корабля. Не уверен, что вышло прилично, но гавайцы загудели с вновь вспыхнувшим интересом.

Один из серферов сказал что-то, где явно прозвучало не местное слово, похожее на «Нуку-Хива» Значит, поняли: знаки не их, но островные, полинезийские. Однако настоящая слава досталась не мне.

Доске.

Серферы окружили её, как учёные анатомы — свежий труп. Поднимали, удивлялись лёгкости, стучали пальцами по обшивке, переворачивали. Когда увидели два малых деревянных плавника у хвоста, особенно изумились У их досок ничего подобного не было.

Я, в свою очередь, посмотрел на местные доски, лежавшие рядом на песке. Длинные, почти в четыре метра, выдолбленные из цельного тёмного дерева. Красивые, но явно трудноуправляемые. На такой доске можно было величественно лететь прямо, а вот резать волну, уходить в сторону, возвращаться к гребню — почти невозможно.

Конечно, все сразу бросились обмениваться опытом. Я им показал рукой: вот доску несёт боком. Потом ткнул пальцем в плавники: держат направление. Пяткой нажал на песок, изобразил поворот. Потом рукой провёл по воздуху, как по лицу волны.

Серферы поняли не всё, но главное уловили.

И вдруг люди начали расступаться. Те, кто секунду назад лез к доске, отодвинулись. Серферы выпрямились. Женщины перестали хохотать в полный голос.

К нам приближался крупный гаваец.

Средних лет. Широкий, тяжёлый, довольно полный, но не рыхлый. В нём была сила человека, который давно не бежит сам, потому что другие бегут за него, но если понадобится — догонит и сломает шею. Шел он неторопливо, толпа сама расступалась перед ним без приказа.

За ним второй островитянин нёс доску. Чуть короче, чем у остальных, прекрасно обработанную, тёмную, блестящую, богато украшенную. По краям — узоры, краска, мелкие вставки из раковин. Даже не зная местных правил, можно было понять: это высокостатусная вещь серьезного человека.

Крупный гаваец остановился передо мной.

Посмотрел на мою доску. Потом на меня. Потом опять на доску.

Я тут же шутливо раскланялся, взяв цилиндр на отлет.

— Добрый день. А мы тут, эта, досками балуемся.

Дородный тип присел, провёл ладонью по моей доске, одобрительно цокая языком, постучал по обшивке, Поднял, выразительно удивился легкому весу. Потом перевернул и долго рассматривал два малых плавника.

Гаваец сказал что-то коротко. Один из местных рядом попытался перевести жестами. Не получилось. Тогда сам крупный гаваец показал на свою украшенную доску, потом — на мою, затем на волны.

«Хочет покататься» — понял я. И широко улыбнулся.

— Да бери. Мне не жалко!

Гаваец взял мою доску, пошел к океану. И толпа взревела от восторга.

Глава 4

Итак, мужик с моей доской отправился к кромке прибоя, а мне подали его доску.

Эх и тяжёлая, зараза! Нет, доска оказалась одно загляденье, — гладкая, красивая — но такая увесистая, — жуть! Взял я её под мышку и чуть не присел. Но, как говорится, в жизни надо все попробовать. И вот граф Федя шлепает по мокрому песку, волоча за собой здоровенную длинную дуру.

Гаваец пошёл в воду первым. За нами потянулись и другие местные серферы. Все с интересом наблюдали за тем, как их соотечественник будет кататься на заморском чуде-юде.

Поначалу дело у толстого чувака не пошло. Неудивительно — моя доска радикально отличалась от его дубины. Она резче подхватывалась, быстрее отвечала на перенос веса. А плавники держали хвост там, где абориген привык к свободному сносу.

Первую волну он поймал хорошо. Встал — и доска ушла в сторону не по его ожиданию. Чернокожий гигант зашатался, почти удержался..., но всё-таки рухнул в пену.

Толпа ахнула. Кто-то начал смеяться и тут же подавился. Я, сидя поперек на его доске, успокаивающе поднял руки: мол, всё нормально. Фигли ты хотел? Новая доска — новые правила.

Потом попробовал сам. Будем считать, теперь моя очередь выглядеть идиотом.

Ну что сказать? Все получилось ровно так, как я и ожидал. Его доска разгонялась медленно, шла прямо и величественно, как линкор на параде, и так же плохо поворачивала. Попробовал по привычке уйти вдоль волны — не тут-то было: нос задрался, хвост понесло. Доска будто заупрямилась: «А тебе точно туда надо?»

Едва удержался, но не упал. Берег радостно загудел.

Со второй попытки пошло лучше. А вот у гавайца все что-то не ладилось. Когда я добрался до мелководья, он уже ждал с моей доской. И смотрел так... выжидающе. А переводчика-то нет! Только руки, ноги и всемирный язык падения мордой в воду.

Показал ему ступни. Изобразил: не вскакивать, а подниматься мягко. Вес — чуть назад. Ноги шире, корпус ниже. Доску не давить, а вести. Чтобы разрядить обстановку, изобразил собственное падение, развёл руками и сделал лицо: мол, все падают.

Гаваец вдруг расхохотался, хлопнул меня по плечу. В толпе тоже пошли одобрительные толки. Ну, значит, пока что меня не будут забивать досками.

Он снова пошёл на волну. Встал мягче, не дёргался, дал доске идти. Её всё равно резко повело, но он присел, поймал хвост, перенёс вес — и прошёл до пены.

Берег взорвался восторгами. Чувак вышел из воды мокрый, тяжело дышащий, довольный. Посмотрел на меня совсем панибратски: не как на белого чудака с игрушкой, а как на человека, принёсшего полезнейшую и очень хитрую вещь.

Тут я перевернул доску и показал плавники — два маленьких деревянных киля у хвоста. Провёл рукой по ним, потом по воде. Показал: без них хвост сносит, с ними — держит. Можно не просто ехать на волне, а резать её.

Толпа зашумела. Серферы уже спорили над моей доской, тыкали пальцами в плавники, в хвост, в волну. Гаваец потрогал один плавник, оглянулся на свою доску и хлопнул меня по плечу так, что оно вспыхнуло огнём.

— Хорошо, — сказал я сквозь зубы. — Очень дружески. Почти перелом.

Он улыбнулся, показал на меня, на себя, на море, потом на солнце, уже клонящееся к закату. И поднял руку: завтра.

Пригласил, то есть, завтра покататься. Ну а я что? Я кивнул.

— Только скажи, мил человек, как тебя звать-величать?

Показал на себя пальцем.

— Федя!

Показал на него и сделал самую вопросительную физиономию, на какую только был способен.

Чувак понял мою пантомиму, положил ладонь себе на грудь и произнёс:

— Камеамеа.

Вот тут меня и приложило сильнее любой волны.

Нифига себе! Тот самый Камеамеа, король Гавайев! Человек, которого вчера не могли поймать посланники, весь день падал с моей доски! Даааа... Это я удачно заплыл!

Тут меня окликнули по-русски. Подошла шлюпка с «Надежды». Матросы смотрели на меня так, будто не могли решить, кто я: герой, сумасшедший или бесноватый. Неудивительно: все-таки люди в первый раз увидели серфинг.

У трапа меня встретил сам Крузенштерн.

— Граф, вы где пропадали весь день?

— Ну вы же знаете. Гонял по волнам!

— Вы рисковали жизнью на глазах у всего корабля и берега. В неглиже и цилиндре! Полагаете это нормальным? Вы могли разбиться о риф!

— Иван Федорович. Давайте я вам сейчас такое скажу, что вы закачаетесь. Готовы? Держитесь?

Капитан сжал губы. Видимо, выбирал, какими словами меня нельзя ругать при команде.

— Тот гаваец, — поспешил я, пока не началась, — с которым я весь день гонял на досках — король Камеамеа.

Все, слышавшие наш разговор, буквально ахнули.

— Сам Камеамеа?

— Так он представился.

Иван Фёдорович потрясенно посмотрел на берег.

— Так вот какими срочными государственными делами занимается король на Гавайях! Когда хорошие волны, он бросает всё и бежит кататься на доске!

— Спешу доложить: катается он неплохо. На моей доске пока падает, но быстро учится.

— Граф...

— Что бы вы сейчас не думали — я не виноват!

Капитан очень хотел рассердиться на меня до конца, но мысль его уже работала, обгоняя гнев.

— Завтра он ждёт вас?

— Показал солнце, море, мою доску и себя. Думаю, это местное приглашение высшего уровня.

— Надо использовать. Вот только где вам взять переводчика...

Я тут же посмотрел на Моану. Она как раз подошла, встала рядом, с улыбкой глядя на мои покрасневшие плечи.

— Возьму супругу! — тут же сказал я.

— Она знает гавайский?

— Должна. Маркизцы и гавайцы — полинезийцы, языки близкие. А главное, она понимает островных людей лучше нас.

Крузенштерн кивнул.

— Хорошо. Только умоляю вас: без грубости, обещаний от имени императора, убийств и похищений. И, ради Бога, без новых браков.

— Ну что вы, в самом деле? Когда я давал обещания от имени императора? Убийства — да что там тех убийств? Сущая ерунда. А Кабри сам напился. Честное слово!

— Ваши оправдания меня давно не успокаивают. Ладно, отбой. Постараюсь заснуть. Хотя после всех новостей не уверен, что мне это удастся!

Утром я, Моана, пара матросов и доска погрузились на баркас и отчалили к берегу. С собой прихватил несколько бутылок и комок воска, смешанный с корабельной смолой. Моана сидела на кормовой банке, смотрела на воду. Потом опустила руку за борт, погладила океан, будто большого зверя, который позволил нам ехать у себя на спине. Эх, красота! Моя красота...

— Поймёшь гавайцев? — спросил я.

Она подумала, улыбнулась и показала на берег.

— Слова другие. Сердце близко.

— Отлично. Мне нужен переводчик с сердцем. А голова у нас будет моя.

На берегу меж тем собирался народ. Дети визжали у воды, носились, поднимая тучи брызг. Местные серферы стояли возле досок, мастера вертели деревянные заготовки и спорили, тыча пальцами в хвост моей доски. За ночь два странных плавника успели испортить людям сон.

Камеамеа вышел без барабанов и крика. Просто появился — и берег сразу стал тише.

Он увидел меня, показал на доску и засмеялся. Из толпы вышло несколько гавайцев, принялись изучать мою доску. Как я понял, это мастера, озадаченные слухами о удивительной доске белого человека.

Показал им «плавники», постановку ног. Объяснял жестами: доска без килей уходит боком, с киллями держит воду; вставать надо мягко, вес переносить не рывком, а телом.

Моана переводила как могла: словами, руками, маркизскими заменами. Иногда замирала, искала гавайское слово и просто показывала. Слушали ее очень внимательно, переспрашивали, бурно обсуждая услышанное. Тут я окончательно убедился, что здесь серфинг — настоящая страсть.

Потом я достал кусок воска со смолистой примесью. Натёр место для ног. Показал: скользит — плохо, держится — хорошо.

Камеамеа провёл ладонью, поставил ногу, качнулся на сухом песке. Окружающие гавайцы удивленно цокали языками.

Вот тут из толпы вышел человек в европейской одежде, с рыжеватыми бакенбардами и усыпанной веснушками кожей. Это, как я понял, и был советник короля — Джон Янг. Видно, Его Величество тоже решил прихватить с собой переводчика.

Улыбался дружелюбно. Слишком дружелюбно. Одежда простая, чистая, без пышности. Человек при короле, которому не надо доказывать своё влияние.

— Здравствуйте, мистер Федор. Вы произвели на короля большое впечатление!

— Доброе утро, мистер Янг. Федор Толстой, граф. Служу просвещению всеми конечностями, не исключая и нижние.

Он улыбнулся одними губами.

— Если потребуется перевод, я буду рад помочь.

— Благодарю. Моана справляется.

Янг посмотрел на неё вежливо, почти ласково. Как взрослый смотрит на способного ребёнка. Моана это заметила.

Камеамеа что-то спросил. Супруга начала объяснять, кто я такой: показывала на меня, на корабль, на свои знаки, на мою тёту. Я разобрал отдельные слова: Федя, русский, высокий род, Моана, Катенуа, море.

Мистер Янг мягко вмешался, произнес несколько фраз на гавайском диалекте.

Я посмотрел на Моану. Она уже не улыбалась.

— Англичанин плохо говорит, — сказала она тихо. — Делает Федя маленький.

Вот так. Кабри — пьяный, лживый алкаш, укравший полбочки водки, сказал про англичан правду.

Я улыбнулся Янгу улыбкой белой акулы.

— Благодарю, мистер Янг. Но давайте точнее. Моана — дочь королевского дома Нуку-Хивы. Эти знаки, — я показал на татуировки, — не украшение. Это договор, выколотый на коже.

Моана быстро заговорила уже прямо к Камеамеа. Помогала жестами: отец, дом, король, знак, море, русские. Янг всё ещё улыбался, но тепла в улыбке стало меньше.

Камеамеа слушал обоих. Потом посмотрел на мои тату, и произнес несколько слов.

Янг с кислой миной перевёл:

— Его величество признает вас равным принцу и приглашает вас после утреннего плавания к себе.

Моана тут же добавила:

— В дом. Хорошо. Большой разговор.

Вот это уже дело! Приложив руку к груди, я поклонился.

— С удовольствием.

После утреннего плавания мы отправились в гости.

Дом Камеамеа не был дворцом в полном смысле этого слова. Просторный навес, циновки, жерди, оружие, украшенные вещи, придворные. Бросились в глаза покупные товары: ткань, железная утварь, ящики, пара мушкетов. Сразу заметно, здесь иностранные корабли появляются чаще, чем на Маркизских островах.

Нас усадили. Подали воду, плоды, местную еду. Я достал бутылки.

— Ром, — сказал я, показывая на бутылку. — Мало. Сильный друг. Много — плохой начальник.

Моана перевела, как смогла. Камеамеа расхохотался.

Откупорили бутылки, король попробовал ром, потом портвейн, который понравился ему больше. Потом Камеамеа начал расспрашивать: откуда мы, долго ли шли, велика ли Россия, что за город Петербург, бывают ли там такие волны, почему на мне островные татуировки, и тысячи других вопросов. Моана переводила ответы: снег — белая земля, лёд — твёрдая вода, Петербург — большой дом у холодного моря. Камеамеа слушал внимательно, Янг время от времени вмешивался:

— Его величество, вероятно, хочет уточнить, — говорил он мягко, — русские суда нуждаются в каких-то товарах?

— Я имею в виду, мистер Янг, что русские суда ни в чем не нуждаются, но ценят дружеское обращение.

Моана быстро передала это Камеамеа. Янг тут же переиначил:

— Русские надеются на добрую волю короля и нуждаются в припасах.

Моана склонилась ко мне:

— Опять делает Федя маленький.

— Вижу.

Я улыбнулся Янгу.

— Мы предлагаем то, что умеем, за то, что нужно нам. Но если обмена не будет — это не препятствует дружбе.

Моана перевела. Камеамеа кивнул. А я, уже не в первый раз, задумался о том, как сильно эти дикари отличаются от людей 21 века. У нас все пустяки, кроме денег. У них — наоборот. Король Гавайев уважает ловкость и силу, обожает воинскую доблесть и океан. Его занимали волны, плавание, борьба, бег, спуски по склонам. Стоило зайти речи о ловкости — люди вокруг оживлялись сильнее, чем про товары.

Тут уважали не вещь саму по себе, а человека, который рискует собой и значит что-то сам по себе, без своих денег и родословной. Как это здорово, как правильно... Мне нравится здесь.

Однако торговыми делами король тоже не брезговал. Я пояснил, что мы могли поставлять железо, ткань, ножи, иглы, прочий инструмент. Потом разговор ушёл к товарам острова:

сандаловое дерево, сахарный тростник, таро, рыба, свиньи. Я слышал «санда» — и мысленно увидел китайские деньги. Услышал «тростник» — увидел патоку, ром и сахар. Мир прост: один человек видит красивое растение, другой — налог.

Под конец я упомянул и про «священных коров». Начал издали: путь долгий, команде нужны крепкие припасы, больным — мясо, а скот Камеама мы не тронули именно потому, что уважаем его запрет. Мы не просим права стрелять где попало. Но оценили бы, получив возможность добыть хотя бы пятнадцать голов.

Моана перевела. Янг сразу бросился возражать.

— Граф, это не случайный запрет! Король печется о благополучии подданных! Если разрешить вам, завтра все начнут нарушать табу!

— Поэтому мы и говорим про пятнадцать. Люди Камеама покажут, каких брать. Мы заплатим. Запрет останется запретом. Для прочих чужаков коровы как были королевскими, так и будут.

Моана говорила быстро, не давая Янгу выхолостить смысл. Англичанин попытался вставить ещё слово, но Камеама поднял руку, и сразу наступила тишина.

Подумав, Камеама произнёс несколько фраз. Моана вслушалась, и торжественным тоном произнесла:

— Шесть коров. Люди Камеама покажут. Русские сами не стрелять. Дать дары. Сделать доску. Не говорить всем: корова можно.

— Передай его величеству, что русские умеют ценить и помнить добро.

Моана перевела. Камеама кивнул.

После разговора нас проводили почти торжественно. Мне на шею надели цветочный венок. Моане — тоже, только красивее. Справедливо: без неё Янг давно сделал бы из меня мелкого русского просителя с забавной доской.

Камеама ещё раз показал на мою доску, потом на своих мастеров, на море и на себя.

Сделать такую же.

— Сделаем. Коровы за доску — почти честная торговля. Особенно если доска деревянная, а коровы настоящие.

Пока мы плыли до шлюпа, разговаривали с супругой о результатах визита.

— Камеама умный. Он любит сильный. Быстрый. Смелый.

— Вот именно, жена. Поэтому мне надо поддержать реноме. Сейчас буду вспоминать, что смелого, сильного, быстрого я могу ему предложить.

Она улыбнулась. Разумеется, ничего из моего сумбурного спича она не поняла, но слово «жена» уже знала. И, кажется, принимала как должное.

На борту Крузенштерн встретил нас с лицом человека, готового к новым неприятностям.

— Ну?

— Шесть коров, Иван Фёдорович.

Он даже не сразу ответил.

— Шесть?

— По слову Камеама. Люди короля покажут, каких брать. Запрет остаётся. Чужакам не болтать, что скот стал общим достоянием.

Капитан слегка улыбнулся. Для Крузенштерна это было равноценно восторгу.

— Хорошо, граф.

— Ещё вода, свиньи, рыба, таро. И король хочет доску как у меня.

— Разумеется, — осторожно сказал Крузенштерн. — И что вы ему обещали?

— Пока доску.

— Пока?

— Местных по-настоящему цепляет то, что можно показать молодым воинам: скорость, риск, ловкость. Тут ценят вещи, от которых у людей загораются глаза и кровь бурлит в жилах!

— Граф, у меня плохое предчувствие.

— Да ладно, ей-богу. Когда я вас подводил?

При всей удачности моей миссии, был один минус: я здорово подгорел. Лицо пылало, плечи полыхали. Архипыч мазал меня жиром и причитал:

— Доигрались, батюшка. Как рак варёный!

— Зато не старый и не кокос!

— Тьфу ты, господи!

Пока Архипыч ворчал и мазал меня жиром, в голове складывался следующий фокус.

Камеаеа нужны были не лекции и не бусы. Ему нужны скорость, риск и вещь, которую можно показать своим молодым воинам. Значит — три подарка.

Первый — шест. На Тенерифе я видел, как канарцы с длинными жердями перелетают через овраги и камни, прыгают с высоты, тормозя ладонями скорость падения. Выглядит безумием, работает отлично. Для этих островов с их холмами и склонами — самое то. Если шест не сломается. Иначе русская дипломатия не досчитается одного очень креативного графа.

Второй — салазки. На том же Тенерифе мы скатились на подбитых железом салазках прямо по булыжной дороге. Тут это должно зайти на «ура». Пустить по склону, подбить железом, отполировать — и у любого уважающего себя воина сразу зачесалась бы душа разбить себе лоб красиво.

Третий — бола. Не игрушка, а польза. Коровы Камеаеа ходят почти дикие. Стрелять шумно и грубо. А опутать ноги верёвкой с грузами — дешево, стильно, красиво. И зрелище, и охота, и урок для молодёжи.

Первым делом я пошёл к корабельному плотнику.

— Василий Силыч, нужна длинная такая слега. Прочная, прямая, упругая.

Он посмотрел так, будто я попросил отпилить мачту.

— Для чего?

— Для государственных прыжков. Показывай бразильские заготовки!

Надо сказать, что в Бразилии мы запаслись хорошим местным деревом на стены и рей. Вот одну из таких заготовочек и предстояло превратить в шест. А для этого мне понадобится Горнеров станок!

Впрочем, выяснилось, что шест на станок, конечно, не влез. Его обстрогали вручную. Плотник снимал лишнее, Ефимка шлифовал, Архипыч держал лампу и ворчал. Зато станочек превосходно подошел для выточки деревянных шаров для бола.

Горнер наблюдал за работой и очень переживал.

— Граф, этот станок предназначен для точных научных приборов.

— Сегодня мне нужен точный прибор для ловли коров и королей.

— Это варварство!

— Протестую! Варварство — иметь станок и не точить на нём шары!

В итоге выточили три превосходных деревянных шара. Просверлили отверстия, распустили линёк. И вот, у меня на руках три деревянных груза на ремнях. Если бросить правильно, ногам животного не понравится.

Министр попытался украсть первый шар. Ефимка поймал его за хвост.

— Отдай, бесов Министр!

— Не бейте государственного деятеля, — сказал я. — Он занят своим прямым делом: пилит бюджет.

Архипыч перекрестился.

— Барин, вы теперь коров бусами по ногам бить собрались? Да где это видано!

— Не видел, говоришь? Ну ничего, завтра увидишь.

Салазки сделать не успели. За ночь довести до ума было трудно, но послезавтра у меня будет первоклассный аттракцион.

Утром к берегу пошла не шлюпка, а передвижной цирк: шест, бола, заготовки для доски, воск, железо, подарки за коров. С нами — пара матросов, Архипыч, Ратманов и Моана.

Высадившись, я первым делом решил потренироваться. Ведь про бола мои знания были чисто теоретическими.

— Ну что, Архипыч? Хотел посмотреть, как ловят коров бусами? Твоя мечта сбылась. Ну-ка бегай тут по пляжу и мычи!

Старик, причитая, начал кружить по берегу. Тщательно раскрутив бола, я швырнул его, стараясь попасть по ногам.

Первый пробный бросок, как ни странно, чуть не снял Архипычу шапку. Старик подпрыгнул так, что для прыжков с шестом мог бы уже не тренироваться.

— Батюшка Федор Иванович, нешто убить хотите?

— Просто учусь.

— На мне?

— А кому еще доверить дело государственной, можно сказать, важности?

Впрочем, сделав несколько бросков, я прекратил это безобразие. Слишком опасно.

Пока мы разгружались, вокруг собрались местные.

— Скажите королю, — велел я одному из них, — русский Федя покажет вещь, какой здесь ещё не видели.

Моана перевела, и — сработало.

Вскоре появился Камеамеа, с ним — приближённые, молодые воины, серферы, и, конечно, Джон Янг. Англичанин улыбался так, будто лично разрешал солнцу взойти.

Начал с понятного.

Показал заготовки для новой доски, потом свою — с двумя хвостовыми плавниками. Натёр воском место для ног, поставил стопу, качнулся: держит.

Камеамеа провёл ладонью, попробовал ногой, хмыкнул.

Моана объяснила:

— Доска Камеамеа будет большой. Сильный король — сильная доска. Здесь держит вода. Здесь держит нога. Федя сделает.

Янг тут же вставил:

— Его величество понимает, что граф предлагает любопытное усовершенствование для развлечения.

Моана даже не повернулась.

— Не развлечение, — сказала она мне по-русски. — Сила на волне.

— Именно, — сказал я Янгу. — Сила на волне.

Камеамеа уже смотрел не на англичанина, а на доску.

Хороший знак.

Потом я поклонился, показал на берег, на своих людей и на дары. Моана перевела: русские помнят слово Камеамеа, стрелять где попало не будут, и покажут, как ловить скот. Молодые люди, подданные короля, смогут этому научиться.

Камеамеа оживился. Янг — наоборот.

Воткнули две жерди и связали их внизу, будто ноги. Я раскрутил бола.

Три деревянных шара пошли кругом, верёвки свистнули. Первый бросок вышел скверно: бола ударила по песку, подпрыгнула и обмотала только одну жердь.

Толпа засмеялась.

— Первый блин комом, — с достоинством сказал я. — Русская народная мудрость.

Второй бросок лёг как надо. Шары обвили жерди, верёвки стянули «ноги», вся конструкция рухнула.

Теперь берег взорвался восторгами. Молодые гавайцы сразу полезли ближе. Один показал на бола, на себя, на жерди. Глаза горят, зубы блестят. Нормальный парень: увидел новую возможность разбить себе лоб и прославиться.

Дал ему бола.

Он раскрутил слишком резко и едва не заехал соседу в ухо. Все заржали. Камеамеа тоже. Я поймал его руку, показал: ниже, спокойнее, не в голову — в ноги.

Ратманов наклонился ко мне:

— Полезная штука. И против людей тоже.

— Макар Иванович, при свидетелях говорим только о коровах.

Тем временем с третьей попытки гаваец захомотал жерди. Завопил так, будто взял крепость. Следом потребовали бола ещё трое. В общем, развлечение всем понравилось.

Потом мы дружной толпой пошли к стаду.

Коровы держались у зарослей, не обращая на людей особого внимания. Нечто подобное я видел в Индии: ходят где попало, жрут зелень у уличных торговцев, но в основном питаются газетами.

Один из приближенных короля Камеамеа подогнал поближе молодую корову. Тот самый гаваец, что уже спутал жерди, раскрутил шары и бросил.

Не идеально, но удачно. Верёвки захватили задние ноги, шары обернулись, корова споткнулась, рухнула боком и заревела так, будто вместе с ней упали основы мироздания. Толпа завывала от восторга.

Теперь настал черёд шеста.

Я поднял его: длинный, гладкий, с железным упором на конце. Гавайцы зашумели. Палка как палка, только русский смотрит на неё с подозрительной любовью.

— Сейчас будет или слава, или перелом, — сказал я Ратманову.

— Постарайтесь первое.

— Это «план А». Но жизнь иногда вносит коррективы!

Выбрал неглубокий овражек с песком и камнями. Разбег. Упор. Тело пошло вверх и вперёд.

На миг всё получилось.

Потом песок под ногой съехал.

Приземлился не красиво, но почти на ногах. Одно колено всё-таки приложилось к земле.

Толпа закричала.

Я поднял шест и поклонился, будто так и было задумано. Показал ещё раз.

Толпа аплодировала, Камеамеа громко смеялся, Моана смотрела так, будто прикидывала, из скольких частей придётся собирать мужа, если все продолжится в том же духе.

Третий раз вышло чище: разбег, упор, перенос через ложбину.

Гавайские юноши сразу загорелись. Первый слишком давил на шест и едва не ушёл носом в песок. Второй понял лучше, с криком перелетел через овражек. Третий захотел прыгнуть дальше, чем следовало, и ко всеобщему восторгу приложился задницей.

Король Камеамеа был в восторге. Он видел новое состязание: храбрость, ловкость, риск — всё, чем можно увлечь молодых воинов без настоящей войны.

А Джон Янг улыбался так, будто у него болел зуб.

Значит, день удался.

Глава 5

Утром капитан разрешил гавайским торговцам подняться на борт «Надежды». И тут же на палубе закипел базар. Местные подходили на каноэ, привозили немудреный товар: рыбу, таро, плоды хлебного дерева, птицу. А я смотрел на свою доску и думал о том, как сделать для короля такую же.

Не «почти», не «какую-нибудь», а именно вот такую. И все бы ничего, только один нюанс: моя доска была из бальзы. Бразильской бальзы. Тут Бразилии не было, такой древесины, соответственно, тоже. А из первого попавшегося бревна получится не серф-доска, а плавучий гроб для любимого местным населением короля-весельчака, бонививана и почитателя экстремального спорта. Что нам политически крайне нежелательно.

Делать нечего, надо обходиться местными ресурсами.

— Моана, — позвал я жену. — Спроси у торговцев. Есть тут у них лёгкое дерево? Очень лёгкое. Как моя доска.

Моя красавица понятиливо кивнула и пошла к борту.

Тут же разгорелся живой разговор: торговцы махали руками, показывали длину досок, спорили между собой, стучали по бортам каноэ, тыкали то в мою доску, то куда-то в сторону берега. Один из них так энергично изображал дерево, что Ефимка решил, будто тот просит топор, и чуть не побежал за образцами.

Наконец Моана вернулась.

— Есть дерево. Лёгкое. Островное. Зовут Вилли-вилли.

— Вилли-вилли? Это точно дерево? Может, пьяный в бревнину немецкий матрос?

— Дерево, Федя. Лёгкое. Для досок. Хорошее!

Торговец закивал и показал, как длинная доска лежит на воде. Потом махнул в сторону берега и что-то с важным видом произнёс. Моана прислушалась.

— Вилли-вилли для алии. Для сильный люди. Не всякий берёт!

— Срубить можно? — уточнил я.

Моана поговорила ещё. Торговцы закивали.

— Можно, если Камеамеа скажет.

— А быстро сделать доску?

Она перевела. Торговцы засмеялись.

Понятно.

Дерево — не матрос. Приказом не высушишь. Можно его срубить, притащить, обтесать, — Ефимка с того раза все запомнил. Но свежий ствол поведёт, скрутит, доска треснет, и вместо подарка королю выйдет позор с модными плавниками. Значит, настоящие доски придётся делать потом, когда дерево высохнет. А сейчас надо было дать ему другое веселье.

Тут, как выяснилось, плотник как раз закончил салазки. Они уже стояли на палубе: низкие, крепкие, кондовые. Две полозины, подшитые железными полосами, перекладина для рук. Всё натёрто воском, и выглядело как предмет, на котором удобно ехать вниз и тяжело поднимать вверх.

— Хорошо, — сказал я. — Везите на берег!

Крузенштерн увидел, как мы грузим салазки в баркас, и остановился.

— Граф, что теперь?

— Демонстрация русской зимы без снега.

— На Гавайях?

— Тем она ценнее!

Он посмотрел на салазки, потом на меня.

— Умоляю вас граф: не убейте короля.

— Иван Фёдорович, да что вы все заладили: убейте да убейте. Я уж полгода никого не убивал. Себя и то никак добить не могу, хоть очень стараюсь. Просто не получается!

Капитан понимающе кивнул.

— Да, это мы все заметили. Особенно эти ваши кульбиты на волнах.

— Ну вот видите, кому суждено поймать пулю, тот не утонет.

Вскоре салазки переплавили на берег, где они сразу собрали вокруг себя толпу.

Гавайцы смеялись, трогали железо, спорили. Потом несколько человек убежали и вернулись с местными санками, — длинной, узкой, как копьё, штукой. Значит, мысль им была знакома. Оказалось, островитяне давно катаются на местных склонах. Просто без русского железа и русской же самоуверенности.

Ну что же, посмотрим, чья конструкция лучше!

Недалеко от берега выбрали травянистый, сухой склон, с коровами внизу и детьми. Дети уже бегали туда-сюда, дурачились и орали. Коровы вели себя более прилично, жевали и смотрели на нас с подозрением. Правильно смотрели!

Местный ездок лёг на свою узкую салазку. Я устроился на нашу, вцепился в перекладину и мысленно простился с целыми коленями.

— Федя не умирать, — сказала Моана.

— Постараюсь. Но обещать не могу.

Толкнули.

Местный ушёл первым — легко, ловко, будто родился на склоне. Моя русская конструкция сперва тряслась, как телега на мостовой, потом вылетело на траву и салазки рванули вниз.

Ветер ударил в лицо, цилиндр дёрнулся на ремешке. Внизу коровы решили, что ну его нахрен, и шарахнулись кто куда. Дети визжали. Я тоже, но делал вид, что так и было задумано.

Местный пришёл чуть раньше, зато я проехал немного дальше и остановился в кусте.

Живой. Почти целый.

Поднялся, вытряхнул листья из рукава и поклонился.

— Ницья! У него опыт, у меня железо и отвага. Победила дружба!

Толпа ответила одобрительными криками.

Вскоре под шумок появился Камеама. За ним тянулись приближённые, мастера и Джон Янг. Англичанин улыбался с таким видом, будто салазки уже проехали по его пальцам.

Моана объяснила:

— Местная хорошо. Русская быстро. Железо делает сильнее.

Камеама потрогал полозья, посмотрел на склон и показал на себя. Вот тут мне стало нехорошо.

Все-таки конструкция не совсем проверенная. Угробить короля, от которого зависят коровы, торговля и межгосударственные отношения на высочайшем уровне — совсем другой уровень преступления против государственных интересов.

Сделав умное лицо, показал ему склон поменьше. Камеама в ответ показал на склон побольше. Очистили путь. Отогнав детей. Коровы, смекнув, чем пахнет, ушли сами. Умные животные.

Король сел в салазки. Я показал, как держаться. Моана что-то сказала быстро и сердито — кажется, сразу нам обоим. Пара здоровенных, как быки, приближенных толкнули его с разгона.

Камеама понёсся вниз. Салазки летели, толпа ревела, дети всё равно бежали сбоку, хотя их только что отгоняли. Внизу король врезался в мягкий куст, салазки упали на бок. Моё сердце ухнуло в пропасть, но тут он поднялся, весь в листьях и так расхохотался, что вся толпа разразилась криками. К нему подбежали, окружили. Молодые гавайцы уже щупали железные полозья, спорили, кто поедет следующим, и смотрели на салазки, как матрос смотрит на полную бочку рома: с любовью, нежностью и готовностью погибнуть ради любви.

Тут я решил, что самое время напомнить ему насчет дерева на доску.

— Моана, скажи его величеству, что мне нужно будет это самое «вили-вили» для его королевской доски.

Моана перевела. Король радушно махнул рукой в сторону ближайшей рощи.

— Камеамеа хочет показать дерево. Для доски.

Вот и славно. Отправились прогуляться в лесок. С нами пошли Моана, Ефимка, Макар Ратманов, несколько гавайцев и Джон Янг. Англичанин постоянно болтался рядом, как тень от неприятной мысли. Улыбался мне вежливо, но как-то неискренне.

Тропинка уходила от берега в зелень. Местные шли легко, мы — потели, цеплялись за ветки и старались выглядеть не хуже гавайцев, но выходило плохо.

И вот тут я почувствовал запах.

Тёплый, сладковатый, дорогой, очень популярный на Востоке и в 21 веке.

— Это что? — спросил я.

Местный показал дальше, на другие деревья. Моана прислушалась.

— Сандал.

Во мне тут же проснулся настырный торгош из 90-х, проводивший многосторонние бартерные сделки. Сандал! Да это же отличные деньги!

Чай, шёлк, серебро, сандал — все это вещи одного порядка. Очень ценные предметы для торговли. А тут, на Гавайях, можно просто вот так идти по лесу и наткнуться на целое состояние с листьями!

Не теряясь, я тут же показал на сандаловые деревья, потом на корабль, потом на море. Вернусь, мол, заберу, заплачу. Но мне бы все заранее заготовить. Скажем, сотню стволов!

Когда Моана перевела число, несколько гавайцев заговорили разом. Камеамеа поднял руку и начался торг.

Предложил пиастры. Иголки. Ножи. Топоры. Ткань. Железные мелочи. Потом главный крючок: доски с плавниками.

Не одну, а сразу дюжину!

Камеамеа — лучшую. Остальные — его людям, чтобы молодые вожди тоже могли резать волну и завидовать королю чуть меньше, чем положено.

Торгуясь, я чуть не прослезился от собственной щедрости. Дюжина досок против сотни стволов сандала — это примерно десять тысяч процентов прибыли! За такую сделку в 90-х могли убить чисто из зависти.

Камеамеа слушал. Янг молчал, но лицо у него становилось всё более кислым.

Наконец король сказал несколько фраз.

Моана перевела торжественно:

— Камеамеа даст сто деревьев. Его люди рубить. Федя вернётся. Привезёт доски. Заберёт дерево. Дары — сейчас.

Я поклонился.

— Передай его величеству: Федя не забывает хорошую торговлю.

Пройдя еще чуть глубже в лес, мы остановились. Один из местных показал на деревья и что-то начал пояснять.

Моана перевела:

— Вилли-вилли. Лёгкое. Для досок. Для поплавков. Хорошее.

Я подошёл к стволу, постучал костяшками, провёл рукой по коре. Не бразильская бальза, конечно, но похоже: лёгкое дерево, крепкое, плавучее. Из такого можно сделать королевскую доску, а не длинный гроб для любимого монарха.

Начали выбирать ствол. Местные спорили, смеялись, подводили меня то к одному, то к другому дереву. Выбор оказался непросто: то кривое, то тонкое. Наконец нашли подходящий вариант — и ровное, и обхват подходящий.

Камеама положил ладонь на кору и сказал несколько слов. Люди сразу притихли. Затем один из них сделал знак на стволе.

Моана пояснила:

— Это дерево. Для Феде. Для доски Камеама. Остальные — табу.

Рубщики тут же взялись за дело. Для скорости мы выдали им русский топор и пилу. Чтобы не было иллюзий, я пояснил:

— Моана, объясни. Быстро доски не будет. Дерево сырое, надо сушить. Иначе поведёт, треснет, испортится.

Она перевела. Камеама нахмурился и что-то спросил.

— Король хочет знать — когда? — перевела супруга.

— Когда вернусь, — сказал я. — Когда приплыву сюда вновь, заберу сандал. Отдам доски. Не одну. Дюжину. Королю — лучшую!

Моана перевела, добавила что-то про сильных людей и новые волны. Король Камеама подумал и кивнул.

Фух.

Тут же начали обсуждать, где рубить, как тащить, где складывать. Ко мне подошел мистер Янг:

— Вы быстро расширяете свои интересы, граф.

— Море большое, мистер Янг. Интересам тесно только тем, кто хочет держать весь мир в своем кармане.

Тот скривился и отошел.

Когда мы вернулись на берег, король через Моану сообщил, что вечером на берегу устроит в нашу честь прощальный праздник. Разумеется, я ответил от имени капитана, что мы непременно будем.

На «Надежду» я вернулся в таком настроении, будто выиграл у шулеров целое состояние. Пошел к капитану, все рассказал. Ратманов дополнил мой рассказ самыми сочными (и не совсем цензурными) подробностями. Окружившие нас офицеры восторженно ахали.

Крузенштерн выслушал доклад молча. Чем дольше слушал, тем внимательнее становилось его лицо.

— То есть, граф, — наконец сказал он, — за три дня вы превратили нашу стоянку в торговую контору, лесную экспедицию и цирк на воде!

— Иван Фёдорович, я стараюсь не повторяться.

— Это заметно.

Тут я обратил внимание на еще одну фигуру. У борта стоял Резанов.

Николай Петрович был бледен и выглядел.... Нет, не больным даже, а каким-то обиженным. Откашлявшись, я подошёл к нему.

— Николай Петрович!

Он медленно повернулся.

— Поздравляю вас, граф.

— С чем именно? С коровами, деревом или тем, что пока никто не разбился и не утонул?

— Со всем сразу. Вы добились многого.

— Это прозвучало так, будто вы сейчас прикажете меня повесить!

Резанов горько усмехнулся.

— Послушайте, граф. Я прибыл сюда с полномочиями государя и должен был говорить от имени России. Меня держали у дверей, кормили обещаниями и вежливо отказали через англичанина. А вы пришли на берег в мокрых панталонах, упали с доски, скатились с горы — и вас услышали.

Так вот в чем дело. Господин камергер ревнует! Малолетний оболтус Федя Толстой показал себя лучшим переговорщиком, чем полномочный посол Его Императорского величества. И все это видят и знают.

Мне, честно говоря, стало его немного жалко.

— Ну, просто эти люди ценят непосредственность и лихость. Дикари, что сказать. Но вы могли бы тоже завоевать у них популярность!

Резанов холодно посмотрел на меня.

— Вы предлагаете мне тоже кататься с горы?

— Упаси Бог. Для этого у нас уже есть я. Вы могли бы...

Тут я задумался. А чем, собственно, этот хлыщ может поразить туземцев? Анненской лентой? Занудством? Пафосными реями? Вряд ли...

Думай, Федя, думай.

И тут я вспомнил попытки Резанова, (грубо мною разрушенные), устроить на борту маленький джаз-банд.

— Николай Петрович! Сегодня будет праздник на берегу — вон, уже и костры разожгли. Вам надо взять с собой мандолину!

Камергер недоуменно моргнул.

— Мандолину?

— Ну да. Сегодня же прощальный ужин на берегу. Костры, танцы, король, знать. Вы выйдете и сыграете!

— Перед дикарями?

— Перед людьми, которые сегодня решают, запомнят ли они русского посланника как важного господина или как человека, которого затмил некий граф в мокрых панталонах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.